

Научный обозреватель

Научно-аналитический журнал

Периодичность – один раз в месяц

№ 6 / 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Издательство «Инфинити»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Хисматуллин Дамир Равильевич

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д.Г.Фоминых

Р.Р.Ахмадеев

И.Ш.Гафаров

Э.Я.Каримов

И.Ю.Хайретдинов

К.А.Ходарцевич

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Ответственность за достоверность информации, изложенной в статьях, несут авторы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Научный обозреватель», допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

450054, Уфа, Пр.Октября, 84, а/я 28

Адрес в Internet: www.nauchoboz.ru

E-mail: post@nauchoboz.ru

© Журнал «Научный обозреватель»

© ООО «Инфинити»

Свидетельство о государственной регистрации ПИ №ФС 77-42040

ISSN 2220-329X

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Принтекс»

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Дубобелова А.В.** Рынок корпоративных облигаций России после кризиса: проблемы и возможные пути их решения 4

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Сарыглар Н.С.** Древние формы правового сознания на современном этапе 7

- Середнев В.А.** Концепция «Должной правовой» процедуры в уголовном процессе 10

- Аракелян К.А.** Особенности участия законных представителей в защите прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов 15

- Лебедев С.А.** Конституционное право на образование: понятие и проблемы правового регулирования в современной России 19

ФИЛОСОФИЯ

- Баринов В.А.** Основания, формирующие возможность проявления модернизма в цирке 21

СОЦИОЛОГИЯ

- Медведев А.М.** Роль религии в формировании жизненной стратегии индивида 28

ПЕДАГОГИКА

- Короткова О.А.** Изучение готовности выпускников начальной школы – занковцев к обучению в основной школе 31

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Гайдукова К.С., Лаврис Е.В.** Комбинирование дву- и триаксиальных переплетений при изготовлении малошовной одежды 33

Рынок корпоративных облигаций России после кризиса: проблемы и возможные пути их решения

Алена Владимировна ДУБОДЕЛОВА

Волгоградский государственный университет

В России рынок корпоративных облигаций в современных условиях является одним из самых динамично развивающихся сегментов отечественного рынка ценных бумаг, но его развитие сдерживает ряд проблем. Следует также учесть влияние мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. на ключевые параметры рынка:

- Рост объема рынка. Несмотря на кризис, рынок рублевых корпоративных облигаций продолжал демонстрировать динамичный рост - 39,4% в 2009 г. В частности, это связано с сокращением банковского кредитования и закрытием внешних рынков. В результате произошло изменение структуры долгового рынка корпоративного сектора России.
- Рост объемов первичных размещений. Среднемесячные объемы первичных размещений существенно превысили докризисный уровень. В период январь-февраль 2009 г. наблюдалось почти полное отсутствие новых выпусков. Выгоднее было играть на валютном рынке, чем держать корпоративные облигации, - спрос на новые выпуски практически отсутствовал.
- Рост среднего объема эмиссии одного выпуска. Во время кризиса средний объем эмиссии на внутреннем облигационном рынке заметно вырос. Это связано с выходом на рынок крупных игроков, привлекавших ранее займы на внешнем рынке (Транснефть, Северсталь) или вообще не привлекавших заемные средства на открытом рынке (Атом-энергопром, Башнефть).
- Изменение структуры эмитентов в пользу высоконадежных, вымывание компаний третьего эшелона. В период

кризиса инвесторы пересмотрели свое отношение к риску, - спросом стали пользоваться бумаги крупных компаний с понятной системой корпоративного управления и регулярно публикуемой отчетностью.

- Рост стоимости привлечения средств на рынке.
- Снижение ликвидности рынка. В период острой фазы кризиса наиболее ликвидными были облигации компаний первого эшелона, а во втором полугодии ликвидность быстрее всего начала восстанавливаться в сегментах первого и второго эшелонов. Ликвидность бумаг третьего эшелона так и не вернулась на докризисный уровень.
- Сокращение средних сроков заимствований. Это связано с ростом неопределенности относительно будущей экономической активности, что приводит к сокращению сроков инвестирования.
- Активизация операций рефинансирования банковской системы под залог корпоративных облигаций[3, С.29-31].

Кризис повлек за собой определенные изменения в законодательстве. Были внесены поправки в Закон «О рынке ценных бумаг», предусматривающие введение в России института общего собрания владельцев облигаций. Ужесточились условия поручительства по облигациям. Новая редакция упомянутого Закона «О рынке ценных бумаг» гласит, что поручителями по выпуску облигаций вправе выступать коммерческие организации, стоимость чистых активов которых не меньше суммы предоставляемого поручительства, государственные корпорации или компании, а также международные финансовые организации. Из-за введения более жестких требований в январе 2010 г. было зафиксировано

наименьшее количество первичных размещений, поскольку часть эмитентов отменила запланированные размещения выпусков.

В процессе доработки находится проект Закона «Об инфраструктурных облигациях». Принятие данного закона направлено на привлечение средств для финансирования инфраструктурных проектов, а также на формирование на внутреннем рынке сегмента надежных и потому привлекательных для широкого круга инвесторов бумаг.

Но многие проблемы правовой инфраструктуры рынка корпоративных облигаций так и остаются нерешенными. В частности развитие рынка сдерживают законодательные ограничения по финансовым инструментам, в которые могут быть инвестированы средства пенсионных и страховых фондов, и требованиям к компаниям и объемам выпускаемых ими облигаций.

Согласно ст. 102 Гражданского кодекса Российской Федерации номинальная стоимость всех выпущенных акционерным обществом облигаций не должна превышать размер уставного капитала акционерного общества или величину обеспечения, предоставленного обществу в этих целях третьими лицами. При отсутствии обеспечения, предоставленного третьими лицами, выпуск облигаций допускается не ранее третьего года существования акционерного общества и при условии надлежащего утверждения годовых балансов общества за два завершающихся финансовых года. Целесообразно исключить из законодательства понятия «уставный капитал» и «номинальная стоимость акции (облигаций)» применительно к рассматриваемому вопросу, т.к. ФСФР признает бесполезность ориентации на уставный капитал.

Учитывая важность борьбы с недобросовестным поведением участников фондового рынка, Правительство РФ внесло на рассмотрение в Государственную Думу законопроект «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком». Однако в представленном виде указанный документ), решая частную проблему, по мнению Б. В. Сребник и А. А. Кузнечик, может усложнить общую правовую инфраструктуру рынка ценных бумаг, т.к. в нем:

- имеются противоречия с существующими нормативными актами (в частности с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг», Гражданским кодексом РФ);
- появляется возможность широкой интерпретации «использования инсайдерской информации»;
- отсутствуют реальные санкции: фактически лицо, совершившее в нарушение

указанного закона сделку, в финансовом плане практически ничего не теряет. Таким образом, закон нуждается в определенной доработке.

Нуждается в совершенствовании учетная система фондового рынка. В частности, несовершенство учетной системы проявляется в:

- высокой степени раздробленности существующей инфраструктуры рынка ценных бумаг;
- высокой степени рисков, связанных с осуществлением учета прав на ценные бумаги;
- низкой степени приспособленности российской учетной системы к зарубежным системам учета прав на ценные бумаги и системе международных расчетов [5, С.63-64].

В настоящее время на рынке ценных бумаг России применяются несколько стандартов: собственные стандарты организаций, стандарты ISO, ISO-подобные стандарты, стандарты ПАТАД. Следствием этого является необходимость поддержки участниками множества платформ, стандартов сообщений и стандартов безопасности, поскольку каждая организация использует свои протоколы, сертификаты, инструкции и т. д. Из-за правовой неопределенности российской учетной системы большинство иностранных инвесторов, в т.ч. крупнейшие институциональные инвесторы, предпочитают учитывать права не в российских депозитариях, а в западных.

На рынке ценных бумаг России практически отсутствуют компенсационные механизмы, широко применяющиеся на рынках развитых стран и позволяющие обеспечить надлежащую защиту прав инвесторов [5, С.65].

Инвесторы боятся размещать капитал на российском рынке корпоративных облигаций в виду высокого риска отсутствия возможности быстро продать эти ценные бумаги в случае необходимости. Объясняется это недостаточной развитостью вторичного рынка.

Для привлечения на рынок ценных бумаг инвесторов ФСФР предлагает снизить ставку налога на доходы (прибыль) от инвестиций в ценные бумаги до нулевой и предоставить право уменьшать налогооблагаемую базу на величину возникших убытков. Первыми подобными льготами получают физические лица и институциональные инвесторы, совершающие операции за свой счет, а со временем и остальные юридические лица. В целях снижения активности спекулятивных инвесторов необходимо ввести определенные ограничения такого освобождения с учетом срока владения ценными бумагами, максимальной

станки дохода и др.

Кроме того, планируется ужесточить требования к российским эмитентам, тем самым повысив их прозрачность. Для совершенствования регулирования фондового рынка намечено упростить процедуры госрегистрации выпусков ценных бумаг. И, наконец, ФСФР предлагает объединить существующие фондовые биржи в холдинг и в 2011 году провести его IPO. В краткосрочной же перспективе, до создания центрального депозитария, представляется необходимым усовершенствовать процедуру взаимодействия между расчетными депозитариями в части создания корреспондентских отношений между ними, что даст возможность инвесторам оперативно переводить ценные бумаги из одного депозитария в другой, не прибегая к услугам регистраторов. Одним из способов решения данной проблемы представляется введение самостоятельного вида санкций за нарушение законодательства о рынке ценных бу-

маг.

Для решения существующих проблем и дальнейшего совершенствования российского рынка корпоративных облигаций необходимо принять следующие меры:

- восстановить инвестиционную культуру в части повышения доверия населения и хозяйствующих субъектов к инвестиционным, управляющим компаниям путем развития механизмов страхования инвестиций;
- повысить финансовую ответственность субъектов инвестиционного бизнеса;
- снизить риски и затраты участников; транзакционные издержки при заключении договора инвестирования путем формирования информационно-аналитической системы, ориентированной на удовлетворение нужд инвесторов;
- повысить эффективность систем лицензирования, стимулировать развитие

Библиографический список

1. Дегтярева, И.В. Развитие институциональной структуры российского рынка ценных бумаг/ И.В. Дегтярева, А.В. Марьина// Финансы и кредит. – 2010. – №1. – С.2-9.
2. Доклад ФСФР России: «О мерах по совершенствованию регулирования и развития рынка ценных бумаг на 2008-2012 гг. и на долгосрочную перспективу» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.data.investfunds.ru>
3. Пестова, А.А. Рынок корпоративных облигаций: «архимедов рычаг» российской финансовой системы / А.А. Пестова// Банковское дело. – 2010. – №4. – С. 28-35.
4. Сайт Банка России [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cbr.ru>
5. Сребник, Б.В. Проблемы инфраструктуры рынка ценных бумаг в России/ Б.В. Сребник, А.А. Кузнечик// Финансы. – 2010. – №7. – С.61-65.

Древние формы правового сознания на современном этапе

Наталья Сергеевна САРЫГЛАР

Тывинский государственный университет

Со времени появления революционных работ З. Фрейда и К. Юнга не замечать роль бессознательного уже невозможно, хотя в юридических исследованиях ему уделяется крайне недостаточное внимание. Очевидно значительное воздействие неосознаваемых процессов и явлений на правовое поведение. Оно связано с «экономией» мышления: если бы мы обдумывали каждый наш шаг, то практически ничего не успевали бы в этой жизни. Поэтому многие действия, имеющие в том числе юридическое значение, совершаются людьми без «включения» сознания - на уровне привычек, стереотипов поведения.

Бессознательное в правовой реальности проявляется в индивидуальных установках и архетипах коллективного бессознательного. Установка - это «внутренняя склонность, самонаправленность, готовность индивида к совершению определенных действий, позволяющих ему удовлетворять потребность [1], «собственная норма поведения» [2]. Когда нет времени или желания на обдумывание ситуации, «включается» установка, которая и определяет результат действия, в том числе правомерный или противоправный.

Архетипы (от архэ - греч. начало) коллективного бессознательного - это исходные начала любой культуры, проявляющиеся в мифах, легендах, сказках и стереотипах массового поведения. Они представляют собой формы фиксации в коллективной памяти основополагающих идей соответствующей человеческой общности и, возможно, человечества как такового [3].

«В каждой душе, - писал К. Юнг, - присутствуют формы, которые, несмотря на свою неосознаваемость, являются активно действующими установками, предуславливающими наши мысли, чувства и действия и постоянно оказывающими на них

влияние» [4]. «Архетипами... являются символы, внушающие базовые ритуалы, мифологии и видения посредством летописей человеческой культуры», - отмечает Д. Кемпбелл. О том, как различаются «правовые» архетипы коллективного бессознательного у различных народов (культур).

Важным в современной юридической науке является подход дифференциации форм сознания по определенным элементарно-структурным свойствам выделяемых видов мышления. Это демонстрирует ряд исследований при характеристике правосознания и сравнении его с иными формами общественного и индивидуального сознания [5].

Многие существующие на настоящий момент юридические исследования подтверждают связь правового и мифологического сознания. В архаичном обществе мифологическое и правовое сознание не разделены четко, и могут лишь угадываться в первоначальном сознании. На сегодняшний день, возможно, вполне определенно выделить разные формы сознания и разные типы мышления. Есть возможность утверждать, что древние формы общественного сознания сохранены в современных формах. Это утверждение в полной мере относится к мифологическому сознанию.

Мифологическое мышление в отличие от правового мышления «пралогично» [6], но это вовсе не значит, что им игнорируются причинно-следственные связи и закономерности вообще, оно не задействует аппарат формальной логики в их выявлении и констатации. Мифологическое сознание, в отличие от правового, иррационально и оперирует не понятиями (логическими смысловыми единицами), а идеями и символами. Как правовое мышление оно не понятийно, а образно-символично. Как характеристика мифо-

логического сознания, иррациональность указывает на вторичную роль самого мышления в мифологическом сознании, тогда как в правосознании мышление занимает очень важное место, поэтому мы говорим как о рациональности (разумности, логичности) правового мышления, так и о рациональности правового сознания в целом. Мифологическому сознанию, так же как и правосознанию, свойственна нормативность. На нормативность как на важнейшую черту юридического мышления обращают внимание многие российские правоведы. [7] Но нормативность правового и мифологического плана очень своеобразна.

Мифологическое сознание не содержит абстрактного, отвлеченного свода норм, как правосознание, не имеет рационально выстроенной системы этих норм. Оно оперирует конкретными символами, образами и ситуациями, которые предстают как «архетипические» [8], не только и не столько в том смысле, что они связаны с архетипами, а в том, что они претендуют на их выражение, на их трансляцию в сознание людей. Конкретная мифологизированная ситуация воспринимается как образец правильного поведения и верного знания. По такому принципу, доказавшему свою действенность в истории всех народов, действует и государство, вводя элементы мифа в правовую сферу, придавая отдельной ситуации, имевшей место или выдуманной, несомненное значение.

Правовому сознанию свойственна внутренняя противоречивость содержательного характера при сравнении ситуации, изображенной в юридической литературе, с непосредственным отражением в правосознании социальной действительности. В правосознании функционирует механизм преодоления конфликтов, и этот механизм приводится в движение способностью к рефлексии, что совершенно чуждо мифологическому сознанию. Непротиворечивость, которую привычно ассоциируют с правовым мышлением, напротив, характеризует сознание мифологическое. Миф, прежде всего объясняет, он способен объяснить абсолютно все, притом даже игнорируя любые противоречия, в том числе и противоречия с действительностью. Все оппозиции в мифе не носят ценностного характера, они выполняют не ценностную, а объясняющую функцию.

Свойство экстенсивности, присущее мифологическому сознанию, связано с тем, что оно постоянно создает новые образы и схемы для объяснения окружающей действительности; оно является основой для беспредельного разрастания мифа, рано

или поздно ведущего к изменению значений его символики. Во многом в силу этого можно объяснить «живучесть» мифа, его способность избегать любых противоречий с реальностью. Мифологическое сознание вполне способно объяснить происходящее, руководствуясь лишь каким-нибудь единственным принципом, вне зависимости от вновь возникающих обстоятельств и условий. Именно поэтому такое качество, как рефлексивность, ему не присуще.

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что мифологическое сознание, в содержательном плане являясь вполне конкретным, по сути, выражает реальность универсальным способом, оно универсально. К данному утверждению приведем несколько примеров.

Существуют такие юридические понятия, как «человек совершивший преступление», «преступник». Нетрудно установить, какое из указанных понятий более соответствует рациональному и требованиям к точности правового мышления и какое выступает в качестве универсальной мифологизированной характеристики личности, ставя на нее своего рода «печаль Каина».

Если мифологическое сознание в значимой области расширено, то правовое сознание, нацеленное на выработку конкретных суждений, на формирование определенного мнения относительно отдельных ситуаций, постоянно соотносит правовую реальность с системой правовых норм и ценностей. Это возможно в силу того, что в правосознании функционирует механизм рефлексии, а также того, что правовое сознание фрагментарно, оно имеет своим объектом конкретную ситуацию и норму.

Мифологическое сознание является сознанием цельным. Действительно, если норма правосознания конкретна и выступает не как сюжет, а как норма, все же она слишком схематична, чтобы просто поверить в истинность, а ее реализация в конкретной ситуации также отделяет нас от смысла. Такое недоверие часто выражается в том, что нельзя применять некую формальную меру к реальным людям, что нормы права слишком схематичны, чтобы полностью регулировать «живые человеческие отношения».

В сфере мифологического сознания ситуация и норма есть непротиворечивое целое и нормативные начала, содержащиеся в мифах, всегда несли в себе способность освобождать человека от сомнений. Рациональное в правосознании не вытесняет мифологическое, так как «право оплодотворенное мифом, становится мо-

гучим фактором развития цивилизованных отношений»[9]. Без мифологического элемента в правосознании невозможно схватывание правовой ситуации в цельности. Такое влияние мифологического со-

знания на правовое может иметь как положительные, так и отрицательные стороны для современного общества, оно должно изучаться в рамках современной юридической науки. ■

Сноски в статье:

1. Ошеров М. С., Спиридонов Л. И. *Общественное мнение и право*. Л., 1985.
2. Узнадзе Д. Н. *Психологические исследования*. М., 1966.
3. Доказано существование однотипных символов у народов, никогда не контактировавших друг с другом. Однако смысл этих символов у них несколько отличен. Поэтому доказательство существования общечеловеческих архетипов, на чем настаивал к. Юнг, до сих пор остается проблематичным.
4. Юнг. К.-Г. *Душа и миф: шесть архетипов*. Киев, 1996.
5. Малахов В.П. *Философия права*. М., 2007. С. 82-89.
6. Гурвич Г.Д. *Магия и право // Философия и социология права: Избранные сочинения*. СПб., 2004. С. 473 - 556
7. Лейст О.Э. *Сущность права. Проблемы теории и философии права*. М., 2002. С. 195.
8. Полосин В.С. *Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии*. М., 199. С. 45-49.
9. Бачинин В.А. *Указ*. Соч. С. 489.

Концепция «Должной правовой» процедуры в уголовном процессе

Владимир Анатольевич СЕРЕДНЕВ

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

*Совершенно очевидно одно - то,
что я ненавижу простоту
во всех ее формах.*

Сальвадор Дали

В 1225 году в Великой хартии вольностей появилось первое упоминание выражение «по закону земли», историческим аналогом которого стало «надлежащая процедура закона». Судебный процесс уходит корнями глубоко в английское законодательство. В 1353 году парламентом был принят закон, запрещающий Королевскому суду вызывать к себе обе стороны иначе как в соответствии с обычными процедурами общего права. При помощи письменного ордера за подписью Канцлера в суд мог быть вызван только обвиняемый в уголовных преступлениях. Таким образом процедура сводилась к письменному ордеру. Эдуард III провозгласил в 1354 году, что «ни один человек, к какому бы он сословию не принадлежал и из какой бы он страны не был, не может быть выдворен с арендуемой земли, не может быть заключен под стражу, захвачен, лишен наследства или предан смерти без того, чтобы не предстать перед судом в соответствии с надлежащей процедурой закона». В 1368 году в понятие надлежащей процедуры была включена и возможность вызывать в суд человека для ответа на выдвинутые против него обвинения. Основные надлежащие процедуры можно свести к фундаментальным свободам: совести, мысли, вероисповедания, самовыражения, слова, творчества и др. [6].

В России, в других странах континентального права, не придавалось такого значения вопросу о допустимости доказательств (как например, в Англии и США.) Первая попытка выработать и включить в уголовно-процессуальное законода-

тельство правила о допустимости доказательств была предпринята составителями Судебных уставов. Ими были разработаны 16 таких правил. Согласно этим правилам собственное признание подсудимого, а также показания свидетеля предлагалось признавать недопустимыми, если они были вынуждены «насилием, угрозам обещаниями, ухищрениями и тому подобными мерами». Однако эти правила не были включены в Устав уголовного судопроизводства 1864 года. Тому были различные причины, в том числе и расчет на то, что сама судебная практика выработает эти правила. В уголовно-процессуальной теории вопросам допустимости доказательств в конце XIX - начале XX веков уделялось большое внимание, и глубокое исследование этих вопросов не могло не оказать определенного влияния на судебную практику[5]. Говоря об истории вопроса о допустимости доказательств, хотелось привести соответствующую цитату из учебника И.Я. Фойницкого. «Для того чтобы устранить или, по крайней мере, уменьшить опасность введения правосудия в заблуждение, - писал И.Я. Фойницкий, - в высшей степени важно озаботиться тем, чтобы в основании судебной деятельности лежали наиболее твердые средства убеждения суда»[13,253].

Рассмотрения допустимости теории доказательств в истории уголовного процесса, разумно рассматривать всегда с учетом анализа теории доказательств в советском уголовном процессе. В свое время ряд советских деятелей (П.И.Стучка, Н.В.Крыленко и др.) отстаивали мнение о том, что нормы регулирующие уголовный процесс, по своей природе являются «наказными», «техническими», т.е. рекомендательными[8]. С классовых позиций трактует Стучка значение «революционной законности». В этом аспекте Стучка, «не забывая, по словам

Ленина, границ законности в революции», призывал в Уголовно- процессуальном кодексе РСФСР отбросить « все, что в нем лишнего, вредного, противоречащего интересам трудящихся»[7,196]. Лишним и вредным в этом классовом смысле оказались процессуально- правовые формы.

В противовес идее об осуществлении доказывания по собственному усмотрению А.Я. Вышинским была предложена концепция доказывания, опирающаяся на диалектический метод познания и социалистическое внутреннее убеждение. Судейское убеждение, по мысли А.Я. Вышинского, не только знание того, как и вследствие чего произошло данное событие, но и правильная оценка значения этого события, т.е. в соответствии с правильно понятыми интересами всего общества. «Это означает, что правильное понимание и признание обстоятельств дела, создающего у судьи то или иное убеждение, нельзя отрывать от всей суммы идей, взглядов, его мирозерцания, его политического и правового сознания»[3,181].

Проблема допустимости доказательств приобрела особую актуальность при разработке и принятии Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и УПК РСФСР 1960 года, однако, сам институт допустимости прямого закрепления в этих законодательных актах не получил. В советский и современный периоды в процессуальной литературе наметились неоднозначные подходы к определению понятия «допустимость доказательств». Г.М.Миньковский предлагает следующие условия допустимости фактической информации, собираемой по делу: а) известность и возможность проверки ее происхождения; б) компетентность и осведомленность лиц, от которых она исходит и которые ее собирают; в) соблюдение общих правил доказывания; г) соблюдение правил собирания данных определенного вида, гарантирующих от неполноты и искажений; д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле; е) отказ от включения в нее догадок и предположений»[10,231].

Например, С.А.Шейфер не выделяет признак законности источника доказательств в качестве самостоятельного условия допустимости, поскольку, по его мнению, «все то, что в теории уголовного процесса называется источниками доказательств или средствами доказывания, есть не что иное, как требуемая законом процессуальная форма» [14, 34-35]. Представляется, что упомянутые авторы обоснованно свя-

зывают допустимость доказательств с его надлежащей процессуальной формой.

Если обратиться к зарубежному опыту, связанному с допустимостью доказательств, то при упоминании Великобритании, хочется указать на прецедент судьи Кромптона, который имеет юридическую силу в настоящее время. В свое время Кромптон заявил: «Каким бы образом вы его не получили- даже если вы его украли - доказательство будет признано допустимым»[4,83]. Эта фраза, произнесенная в 1861 г., до сих пор цитируется едва ли не в большинстве английских работ по доказательственному праву.

Понятие надлежащей процедуры в законе не лежит в основе судебного процесса. Это понятие гарантирует, что справедливость и беспристрастность сохранятся в течение всего процесса. Надлежащие процедуры права гарантируют защиту фундаментальных прав личности. Эти процедуры должны представлять собой фундамент демократии и уважения к основному закону страны. Существуют процессуальные надлежащие процедуры и реальные надлежащие процедуры. Процессуальные надлежащие процедуры обеспечивают справедливость судебных процессов. Все равны перед законом. Этот постулат означает, что даже правитель не может быть выше закона. Все должны подчиняться справедливой системе судебных процессов. Граждане защищены от необоснованных захватов собственности или ареста. Реальные надлежащие процедуры связаны с сущностью закона, который одинаков для всех, то есть все имеют равную защиту.

В настоящее время потенциал УПК РФ имеет иную направленность, а именно оправдание воспринятой им концепции так называемой «должной правовой процедуры», ставящей на первое место не обеспечение потерпевшим конституционного права на доступ к правосудию, а самоценность процессуальной формы. В результате УПК РФ установил для отечественного уголовно-процессуального доказывания, несвойственную для него цель - соблюдение формальных атрибутов доказательственной деятельности. К их числу относятся и положения, связанные с допустимостью доказательств, которые являются не только логически уязвимыми, но и выступают в качестве неоправданного, а порой и непреодолимого барьера на пути обеспечения потерпевшим от преступления конституционного права на доступ к правосудию. Налицо проблемная ситуация, где имея формализованные положения, связанные с допустимостью до-

казательств, уголовно- процессуальное доказывание обособленно и функционирует само по себе, а потерпевший, находясь во взаимосвязи с преступлением сам по себе.

Нужно сказать, что на самом деле существует два научных направления (школы) в уголовном процессе: *классическая* научная школа и *позитивная* научная школа. «В области научных направлений, - писал в свое время В.К. Случевский, - классическая школа уголовного права сосредотачивается преимущественно на служении процессуальным интересам подсудимого, школы же позитивного направления обращают особое внимание на охранение в уголовном процессе государственного интереса» [12,50]. С точки зрения идеологии (идеи), думается, что законодатель не должен односторонне поддерживать ту или иную школы во избежание ухода от цели уголовного процесса. «Нынешнее уголовно-процессуальное законодательство является плодом научной парадигмы, сформировавшейся в рамках классической школы. Её основным предназначением является обеспечение интересов подозреваемых, обвиняемых, подсудимых. В качестве основного способа подобного обеспечения классической школы был избран способ, система элементов которого переориентировала уголовный процесс со свойственных ему целей на ложные цели - самоценность процессуальной формы («должной процедуры»). Отсюда уголовно- процессуальной форме придано самодовлеющее значение, поскольку современного законодателя не интересуют фактические обстоятельства преступления. Его не интересует и то, что произошло в действительности. Безынтересно ему и обеспечение фундаментальных ценностей российского общества, российского государства и российского человека» [1, 48].

В настоящее время законодателем в уголовном процессе приняты процедурные правила, которые заведомо ставят государство в борьбу с преступностью в проигрышное положение. К вышеуказанным моментам можно отнести предписания в законе, которые устанавливают исчерпывающий перечень источников доказательств, говоря о строгом подходе к оценке доказательств и его генезисной сущности при подходе к оценке доказательственной информации, а так же строгие ограничения в использовании результатов ОРД в уголовном процессе. Надо сказать, что представленный законодателем в ч.2 ст. 74 УПК РФ, и тем более ограничение следственных и иных процессуальных действий, какие допускаются в качестве средств

для собирания доказательств, не только излишен, но и вреден. Кстати, с позиции элементарной логики наличие в ч.2 ст. 74 УПК РФ исчерпывающего перечня дозволенных к применению источников доказательств противоречит ч.1 той же статьи. В этой связи хотелось бы привести высказывания Розовского Б.Г.: «Фиксация в законе перечня процессуальных источников доказательств берет свое начало в инквизиционном процессе с его формальной теорией доказательств...В считающемся ныне цивилизованном праве этого нет, но ослиные уши инквизиции торчат в тех нормах УПК, которые сохраняют взятый (с небольшим вариациями) из средневековья и эпохи Ренессанса принцип фиксации неприкасаемого перечня источников доказательств, то есть их материальных носителей. Провозгласив право и обязанность следствия и суда оценивать доказательства по внутреннему убеждению...законодатель фактически выхолостил этот принцип, сохранив в современном процессе рудименты процесса инквизиционного, и этот атавизм почему-то благосклонно воспринят официальной наукой» [11,152]. В конце своей работы Розовский Б.Г., провозглашает: «...исчерпывающий перечень источников доказательств - абсурд» [11,158]. Думается, что на самом деле, его наличие в Кодексе отнюдь не способствует познанию действительности и принятию решений в реальном уголовном судопроизводстве.

Часть 2 ст.50 Конституции РФ установила, что при осуществлении правосудия не допускается использовать доказательства, полученные с нарушением федерального закона. Конкретизируя данную норму Конституция РФ в п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ отнесла к недопустимым доказательствам «показания подозреваемого обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде».

Рассмотрим более подробнее данное основание признание доказательств недопустимыми. Рассматривая п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ, первая мысль, которая приходит в голову, - какой же цели служит эта норма УПК РФ? После определенного анализа и синтеза данной нормы ответ получается не утешительным - цель, явно не защита законных интересов участников уголовного судопроизводства. Естественно, чтобы не быть голословным нужно имеющееся мнение аргументировать. Во-первых, данное основание появилось в УПК РФ, как реакция законодателя на существующую в

отдельных органах дознания и предварительного следствия практику домогательства признательных показаний подозреваемых и обвиняемых, при этом нередко применяются незаконные методы допроса. Результатом такой практики является то, что подсудимые в суде затем отказываются от ранее данных ими на предварительном расследовании показаний. В практическом же аспекте данная норма превратилась по существу в формальное основание, причину вынесение необоснованных, несправедливых и законных решений судом. Дело в том, что подозреваемому, обвиняемому стало весьма выгодно отказываться от услуг защитника на предварительном расследовании, поскольку в связи с этим сохраняется возможность в процессе судебного разбирательства отказаться от собственных показаний. Следствием такого заявления подсудимого на суде является утрата существенной части доказательств по уголовному делу, а в итоге, возможность оправдательного приговора. Сотрудники органов предварительного расследования моментально отреагировали на ситуацию. Они стали «навязывать» подозреваемым, обвиняемым услуги защитника, если последние были согласны давать обвинительные в отношении себя показания. И естественно, сотрудники органов предварительного расследования в данной ситуации всегда уверены, если мало доказательств в уголовном деле изобличающих обвиняемого в совершении преступления (или их нет вообще, кроме обвинительных показаний самого обвиняемого), то признание вины обвиняемым и дача показаний в присутствии защитника, обеспечивает в суде обвинительный приговор. *Во-вторых*, содержание п.1 ч.2 ст. 75 УПК РФ, по сути, вступило в противоречие с ч.2 ст. 50 Конституции РФ, устанавливающей, что не допускается использование лишь тех доказательств, которые получены с нарушением федерального закона. Если принять во внимание принцип прямого действия Конституции РФ, то показания подозреваемого, обвиняемого, данное в отсутствие защитника при добровольном отказе от него по письменному заявлению в соответствии с ч.1 ст.52 УПК РФ, т.е. без нарушения федерального закона, должны признаваться допустимыми и подлежат проверке в порядке ст. 87 УПК РФ, путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. *В-третьих*, норма, закрепленная в п.1 ч.2 ст.75 УПК РФ, является «запретельным» выражением заботы о комфорте подозреваемого, обвиняемого, и попирает

здравый смысл и превосходящим конституционную идею о недопустимости доказательств.

В своей работе В.С.Балакшин, не только весьма удачно классифицировал возможные нарушения уголовно-процессуального закона, влекущего недопустимость доказательств, но и раскрыл саму суть этих нарушений. В частности, при раскрытии сути нарушений, связанных с требованиями уголовно-процессуального закона, предусматривающих юридические и фактические основания для производства следственных действий, В.С.Балакшин относит такие обстоятельства, которые ставят под сомнения само производство процессуального действия. Так, под юридическими основаниями для производства следственных действий он правильно понимает соответствующее решение суда, прокурора, следователя, дознавателя принятые и оформленные в порядке, установленном УПК РФ. К нарушениям уголовно-процессуального закона здесь он относит, в первую очередь, производство процессуальных действий без разрешения суда, в тех случаях, когда такое решение суда является обязательным в силу требований ч.2 ст.29 и ч.1 ст.165 УПК РФ[2].

Следовательно, не все нарушения должны влечь за собой автоматическое исключение доказательства по признаку недопустимости. К таким нарушениям думается, следует отнести:

1. Нарушения, которые не являются уголовно-процессуальными изначально. Данные нарушения связаны с неправильным применением или игнорированием норм иных отраслей права (например, неправильная квалификация деяния);
2. Недочеты технического характера (описки, опечатки, стилистические ошибки, неправильное написание фамилии, имени, отчества лица; отсутствие наименования документа либо иного заглавия и иные подобные опущения, которые ни каким образом не влияют на процессуальную суть документа;
3. Недочеты процессуального характера, не дающие основания признать доказательства полученными с нарушением процессуального закона (например, неполное указание установочных данных о личности участника процесса, места его жительства и т.п.);
4. Нарушение уголовно-процессуального закона, которое не связано с получением доказатель-

ства в ходе данного следственного действия;

5. Нарушение уголовно-процессуального закона, не повлиявшие на процесс собирания, проверки и оценки доказательств в данном конкретном случае (не разъяснение какого либо права, лицу, если оно заявляет о нежелании воспользоваться этим правом, например, нежелание воспользоваться услугами переводчика).

По справедливому утверждению В.Н. Кудрявцева, «нет никакой другой области общественной жизни, где нарушение законов логики, построение неправильных умозаключений. Приведение ложных аргументов могут причинить столь существенный вред, как в области права»[9,48-49], слишком высока цена логической ошибки, у тех от кого в той или иной степени зависят судьбы людей.■

Библиографический список

1. Агутин А.В., Карамышев Д.А. Организационно- правовой механизм обеспечения допустимости доказательств в досудебном производстве: Учебное пособие. М.,: ЮРКОМПАНИ, 2010. С. 48.
2. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно- процессуального доказывания: автореферат дис. д-ра юрид. наук, Екатеринбург, 2005.
3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 181.
4. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств/ К.Ф. Гуценко, Л.В.Головкин, Б.А.Филимонов. М., 2001. С. 83.
5. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999.
6. История государства и права зарубежных стран. Часть 1. Учебник для вузов. Под ред. проф. Крашенинниковой Н.А и проф. Жидкова О. А.- М.- Издательство НОРМА, 1996.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954. Ч.II. С. 196.
8. Крыленко Н.В. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик/ Н.В. Крыленко. М., 1928.
9. Кудрявцев В.Н. общая теория квалификации преступлений/ В.Н. Кудрявцев- 2-е изд., перераб. и доп.- М.;Юрист, 1999- С.48-49.
10. Миньковский Г.М. Допустимость доказательств. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. М., 1973. С. 231.
11. Розовский Б.Г. Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса: эссе. Луганск: РИО ЛАВД, 2004. С. 152,158.
12. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство- судопроизводство. СПб., 1913. С.50.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. - СПб: Альфа, 1996. Т.I. - С. 253.
14. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 34 - 35.

Особенности участия законных представителей в защите прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов

Каринэ Арменовна АРАКЕЛЯН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Применение норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок привлечения к участию в деле и права законных представителей несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов, вызывает определенные трудности. Несмотря на принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»,¹ ряд проблем, имеющих у правоприменителей, остался неразрешенным.

Несовершеннолетние лица в силу различных обстоятельств весьма часто становятся потерпевшими от преступлений и не могут самостоятельно в полном объеме осуществлять предоставленные им права. В этой связи аутентичное правовое регулирование защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса имеет особое значение.

Согласно ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Уголовно-процессуальный закон не приводит отдельного понятия несовершеннолетнего потерпевшего. В данном случае следует использовать общее понятие потерпевшего, содержащееся в ст. 42 УПК РФ, согласно которой потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Очевидно, что законные представители могут иметься лишь у физических, а не юридических

лиц, являющихся потерпевшими.

Как видно, законодатель связывает понятие потерпевшего с непосредственным причинением вреда именно в результате совершенного преступления. В случае, когда потерпевший является несовершеннолетним, он не способен в полной мере реализовывать предоставленные ему ч. 2 ст. 42 УПК РФ права, в том числе, и права, направленные на возмещение причиненного ему вреда. Эти и некоторые другие особенности процессуального статуса несовершеннолетнего потерпевшего ранее были отмечены в научной литературе.² Аналогичными особенностями характеризуется и уголовно-процессуальная регламентация правового статуса гражданского истца (ст. 44 УПК РФ).

Вместе с тем следует иметь в виду, что вред потерпевшему может быть причинен как преступлением, так и запрещенным уголовным законом деянием, совершенным лицом в состоянии невменяемости. Иными словами деятельность законных представителей несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов имеет место и при производстве о применении принудительных мер медицинского характера.

Необходимо отметить, что обязанностью государства является не только предотвращение и пресечение в установленном законом порядке посягательств, способных причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечение потерпевшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами.³

Согласно ч. 2 ст. 45 УПК РФ, для защиты прав и законных интересов потерпевших, яв-

² См., например: Руднев А. Процессуальный статус потерпевшего // Законность, 2004, № 5. С. 42-43.

³ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 // Российская газета, федеральный выпуск № 5226 от 07.07.2010г.

¹ Российская газета, федеральный выпуск № 5405 от 11 февраля 2011 г.

ляющихся несовершеннолетними, к обязательному участию в деле привлекаются их законные представители. Согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ, законными представителями признаются родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится потерпевший, органы опеки и попечительства.

Именно законные представители несовершеннолетних потерпевших, гражданских истцов призваны дополнительно обеспечить права и законные интересы данных участников уголовного процесса при возмещении вреда, причиненного им преступлением.

Особенности деятельности законных представителей потерпевшего и гражданского истца позволяют говорить об особой форме представительства – законном представительстве несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов, которое отличается от обычного представительства интересов участников уголовного судопроизводства.

Говоря о функции, которую выполняет законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего и гражданского истца, следует отметить, что функции любого участника уголовного процесса обусловлены, прежде всего, отношением его к стороне обвинения или защиты.

Однако, когда речь идет о законном представителе несовершеннолетнего гражданского истца, данная посылка неоднократно преподносилась в научной литературе в качестве дискуссионной.¹

В основе подобного рода дискуссии находятся рассуждения о том, что деятельность, как самого гражданского истца, так и его представителя (в том числе, законного представителя) напрямую к обвинению не относятся. Так, например, П. М. Туленков придерживаясь аналогичной точки зрения, указывал, что ни гражданский истец, ни его представители не вправе касаться вопросов квалификации преступления, утверждая, что вследствие этого данные участники уголовного процесса выполняют, прежде всего, функцию поддержания гражданского иска.²

Представляется, что в настоящее время более верно говорить о выполнении законными представителями, как потерпевшего, так и гражданского истца именно функции обвинения, исходя из четкого разделения круга участников уголовного судопроизводства на две стороны. При этом, отнесение законного представителя лица к участникам со стороны обвинения или защиты напрямую зависит от того к какой стороне относится лицо, чьи интересы оно представляет.

1 См.: Воскобойник И.О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России. Автореф. дисс. на соискание уч. степени к.ю.н. Калининград, 2007

2 Туленков П.М. Представительство в советском уголовном процессе. Дисс. на соиск. уч. степени к.ю.н. М., 1970. - С. 47

Поддержание же гражданского иска следует рассматривать не иначе как непосредственное проявление функции обвинения в уголовном процессе, так как выдвигая требование о возмещении вреда, причиненного преступлением, законный представитель несовершеннолетнего гражданского истца напрямую заинтересован в правильной, объективной и всесторонней оценке размера и характера вреда, причиненного несовершеннолетнему в результате преступления, и наделен правами по предоставлению сведений, подтверждающих размер и характер данного вреда.

Таким образом, законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего и гражданского истца в вышеуказанном случае заинтересованно участвует в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, то есть выполняет именно функцию обвинения, так как совокупность собранных сведений относительно характера и размера вреда в результате преступления будут положены в основу обвинения по уголовному делу.

Определив функцию законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего и гражданского истца, следует отметить, что эффективность ее реализации напрямую зависит от точности определения в законе оснований появления в деле данного субъекта уголовного судопроизводства и оптимальности регламентации его процессуального статуса.³

Как представляется, в связи с этим является верной высказанная в науке точка зрения, согласно которой «законный представитель допускается в уголовный процесс с момента, когда представляемое лицо получило в нем определенное процессуальное положение...».⁴

Данная точка зрения является актуальной до настоящего времени. Необходимо уточнить момент приобретения законным представителем несовершеннолетних потерпевшего и гражданского истца процессуального положения. Общеизвестно, что в данном случае начальным моментом деятельности законного представителя по защите прав на возмещение вреда несовершеннолетнего потерпевшего, следует считать признание несовершеннолетнего потерпевшим на основании постановления дознавателя, следователя или суда. Одновременно с этим должен быть решен вопрос о допуске законного представителя потерпевшего к участию в уголовном деле.

Однако, следует исходить и из фактического положения лица, вовлекаемого в сферу уголовно-процессуальных отношений. Так, Конституционный Суд РФ ранее в Постановлениях от 23 марта 1999 года № 5-П «По делу о проверке конституционности по-

3 См. подробнее: Мелешко В.В. Институт представителей участников уголовного процесса (по материалам Республики Беларусь): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994. – С. 69.

4 Панкратов В.А. Институт законного представительства в советском уголовном процессе (стадия предварительного расследования): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – С. 21.

ложений статей 133, 218 и 220 УПК РСФСР», от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР», а также в Определении от 22 января 2004 года № 119-О «По жалобе гражданки Л.М. Семеновской» признал, что обеспечение гарантий Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права. Аналогичные разъяснения даны судам в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Так, Верховный Суд РФ указывает, что следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им.¹

Непосредственно к правовому положению законных представителей несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов приведенная позиция имеет отношение именно в связи с необходимостью определения начального момента участия данных лиц в защите прав несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов.

Правовой статус законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего и гражданского истца также устанавливается исходя из их фактического положения, то есть из наличия обязанности исполнять функции законных представителей в соответствии с нормами гражданского, семейного и уголовно-процессуального законодательства.

Постановление же о допуске законных представителей несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов к участию в уголовном деле следует рассматривать лишь как элемент процессуального оформления приобретенного в связи с фактическим положением данных лиц. В первую очередь следует исходить из факта причинения представляемому лицу ущерба в результате совершения преступления.

Одной из проблем правоприменения является неправильное применение норм УПК РФ в связи с оценкой субъекта, которому преступлением причиняется вред. В результате данной правоприменительной ошибки при рассмотрении уголовных дел зачастую гражданским истцом признается не несовершеннолетний участник уголовного процесса, которому в ре-

зультате преступления был причинен имущественный, моральный вред или вред здоровью, а лицо, которое должно быть признано или признано его законным представителем.

В данном случае необходимо учитывать то, что право подачи гражданского иска и наличие прав производных от процессуального статуса гражданского истца у его законного представителя не означает само по себе приобретение законным представителем несовершеннолетнего гражданского истца процессуального статуса гражданского истца.

В связи с этим процессуальный порядок привлечения законного представителя к участию в уголовном деле в целях возмещения вреда, причиненного преступлением несовершеннолетнему, на наш взгляд должен выглядеть следующим образом:

Во-первых, руководитель следственного органа, следователь, дознаватель, суд обязаны оценить все обстоятельства по уголовному делу и в случае, если будут установлены факты, свидетельствующие о том, что вред причинен именно преступлением либо запрещенным уголовным законом деянием именно несовершеннолетнему, признать возможным наделение последнего уголовно-процессуальным статусом гражданского истца.

Во-вторых, необходимо допустить к участию в деле законного представителя несовершеннолетнего гражданского истца (возможно, это лицо на момент принятия данного решения уже допущено в качестве законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего).

В-третьих, необходимо разъяснить несовершеннолетнему потерпевшему и его законному представителю право заявить гражданский иск и в случае волеизъявления его предъявления, следует получить гражданский иск у законного представителя (следует помнить об отсутствии письменной формы заявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве) в целях возмещения причиненного вреда несовершеннолетнему, после чего принять решение о признании несовершеннолетнего гражданским истцом.

Несмотря на очевидную правоприменительную ошибку, высказываются мнения о том, что «в качестве гражданского истца может быть признан только законный представитель недееспособного потерпевшего либо его адвокат - представитель»,² с которыми нельзя согласиться по следующим основаниям:

Во-первых, уголовно-процессуальный закон не связывает понятие потерпевшего и гражданского истца с определенным возрастом.

Во-вторых, критерий причинения вреда непосредственно преступлением находится в основе, как процессуального статуса потерпевшего, так и гражданского истца.

¹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 // Российская газета, федеральный выпуск № 5226 от 07.07.2010г.

² См., например: Кокорев Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 109

В-третьих, законодатель в ст. 45 УПК РФ регламентирует процессуальный порядок привлечения к участию в деле законных представителей несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов.

Изложенное свидетельствует о том, что возраст не является условием приобретения процессуального статуса потерпевшего и гражданского истца.

Как справедливо отмечается отдельными авторами «вопрос о вовлечении лица в уголовный процесс в качестве гражданского истца должен решаться, исходя из наличия у него гражданской правоспособности, а не дееспособности».¹ Подобное обоснование должно быть положено и в основу решения вопроса о признании несовершеннолетних потерпевшими. О правильности данных выводов свидетельствуют и нормы Семейного кодекса РФ, а также других федеральных законов.²

С учетом изложенного считаем правильным согласиться с мнением, что потерпевший даже в несовершеннолетнем возрасте вправе лично осуществлять свои права гражданского истца.³

В тех же случаях, когда несовершеннолетний в силу отсутствия достаточных знаний и жизненного опыта не может самостоятельно справиться с защитой своего права закрепленного в Конституции РФ к участию в деле привлекается его законный представитель.

Вторая проблема участия законных представителей в уголовно-процессуальных отношениях, связана с правовым регулированием данного вопроса.

В частности, буквальное толкование норм УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что в нем не регулируются случаи обязательного участия законных представителей гражданского истца. Данное обстоятельство дает основание для появления в науке мнения о том, что нормы ч. 2 ст. 45 УПК, оговаривающие случаи обязательного участия законных представителей потерпевшего, не могут напрямую регулировать указанную область правоотношений, когда гражданский истец не является потерпевшим или когда гражданский истец еще не приобрел статус потерпевшего.⁴

Учитывая, что физическое лицо, потерпевшее от преступления, заявившее гражданский иск, является гражданским истцом, на что справедливо указывается в научной литературе, указанный пробел правового регулирования должна восполнять аналогия уголовно-процессуального закона.

Третья проблема, связанная с участием в деле законных представителей несовершенно-

летних потерпевших и гражданских истцов, заключается в отсутствии четкой уголовно-процессуальной процедуры реализации их прав.

Потерпевшему УПК РФ предоставлено право давать показания, а гражданскому истцу – давать объяснения по поводу заявленного гражданского иска. Данное право следует рассматривать как право неотъемлемое от личности потерпевшего и гражданского, что означает невозможность включения названных прав в объем процессуальных прав, включаемых в уголовно-процессуальный статус законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего и гражданского истца.

Однако в ходе расследования уголовных дел зачастую возникает ситуация, когда необходимо допросить законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего и гражданского истца.

Возникает закономерный вопрос о том, в качестве кого необходимо допрашивать законных представителей несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов.

Тот факт, что показаний гражданского истца и показаний его законного представителя, а также показаний законного представителя потерпевшего в перечне доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, нет, порождает появление в науке мнения о том, что показания данных участников уголовного процесса необходимо признать в качестве самостоятельных видов доказательств.⁵

Такая позиция представляется довольно спорной. Допрос законных представителей несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов в качестве свидетелей не нарушает их прав и законных интересов и не противоречит выполняемым им функциям.

В данном случае следует согласиться с позицией Верховного Суда РФ, который отмечает правомерность допроса в качестве свидетелей законных представителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.⁶

Таким образом, следует заключить, что понимание вышеприведенных особенностей участия в деле законных представителей несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов и сущности законного представительства в целом позволит при производстве по уголовным делам повысить эффективность обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших и гражданских истцов, а также оптимизировать уголовно-процессуальные отношения с целью достижения назначения уголовного судопроизводства. ■

1 Мартыненко С.Б. Представительство несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса: Дис. ... канд. юрид. наук. - СПб, 2000. - С. 60.

2 См.: ч. 3 ст. 56 Семейного кодекса РФ, ст. 9 №120-ФЗ РФ от 24 июня 1999 года «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

3 См.: Смирнов Л.Н., Грун А.Я. Рецензия на книгу А.Г. Мазалова «Гражданский иск в уголовном процессе» // Социалистическая законность. - 1968. - № 8. - С. 96.

4 См.: Воскобойник И.О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России. Автореф. дисс. на соискание уч. степени к.ю.н. Калининград, 2007.

5 Воскобойник И.О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России. Автореф. дисс. на соискание уч. степени к.ю.н. Калининград, 2007.

6 О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Российская газета, федеральный выпуск № 5405 от 11 февраля 2011 г.

Конституционное право на образование: понятие и проблемы правового регулирования в современной России

Сергей Александрович ЛЕБЕДЕВ

Волгоградский институт экономики, социологии и права

Как известно, право на образование занимает особое место в системе конституционного статуса личности: это социальное право человека, создающее одновременно предпосылку для развития личности, общества и государства.

В законодательстве Российской Федерации право на образование, прежде всего, закреплено в Конституции РФ [1], которая в статье 43 отдельно выделяет право на образование как элемент конституционного статуса человека. Указанной статьёй гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. Россия устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования.

Не отрицая всей важности и значимости для российского общества и государства конституционного закрепления права человека и гражданина на образование, к сожалению, приходится констатировать, что даже поверхностный анализ содержания статьи 43 Конституции РФ [1], неизбежно вызывает ряд вопросов, касающихся несовершенства ряда сформулированных в ней положений.

Так, например, Конституция Российской Федерации [1] в статье 43 гарантирует гражданам России общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и

среднего профессионального образования. Из сказанного, во-первых, справедливо возникает вопрос: почему Конституция РФ не гарантирует гражданам России общедоступность и бесплатность начального общего, и среднего (полного) общего образования, ведь указанные уровни (ступени) образования в бывшем СССР были традиционно общедоступными и бесплатными. Во-вторых, что касается профессионального образования, то из всех существующих уровней его получения Конституция РФ гарантирует доступность и бесплатность получения гражданами только среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях. Вызывает недоумение вопрос о том, почему в Конституции РФ провозглашается общедоступным именно среднее профессиональное образование, а не скажем начальное профессиональное образование.

Аналогичный вопрос возникает и в связи с тем, что в статье 43 Конституции РФ [1] ничего не говорится о возможности получения гражданами бесплатно на конкурсной основе послевузовского профессионального образования.

Сказанное позволяет предположить, что существует потенциальная возможность введения в РФ в силу какого либо закона или подзаконного акта платности и/или конкурсной получения гражданами начального общего, среднего (полного) общего, начального профессионального и послевузовского профессионального образования, однако никто в этом случае не сможет оспорить в суде данное «несправедливое» решение, ведь Конституция РФ обладает на территории России высшей юридической силой.

Обращает также на себя внимание и тот факт, что по мнению целого ряда исследова-

телей, статья 43 Конституции РФ [1] закрепляя право каждого на образование, вместе с тем не конкретизирует его содержание. Например, Т.А. Владыкина, справедливо отмечает, что «...юридическая сущность понятия «право на образование» в отраслевом законодательстве не имеет сегодня достаточной конкретизации..., что зачастую порождает трудности в реализации и защите указанного права». [4, с. 25]

Согласно преамбуле Закона РФ «Об образовании» [2], под образованием понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов).

Представляется, что такая формулировка наряду с положительными моментами имеет и ряд существенных недостатков. Так, по мнению Т. Н. Матюшевой, она, «...является слишком обобщенной и не учитывает ряд существенных признаков понятия «образование», не отражает всей полноты его содержания, соответственно это затрудняет анализ права на образование как неотъемлемого элемента правового статуса гражданина в объективном и субъективном смысле». [5, с. 14]

Тем не менее, на данный момент в юридической литературе существует множество подходов к определению понятия «образование», «право на образование». Эта проблема стала предметом внимания и осмысления целого ряда исследователей – представителей самых различных научных школ.

Так, например, С. А. Авакьян считает, что «право на образование заключается в возможности обучения в каком-либо образовательном учреждении, которое дает человеку общие знания, являющиеся основой его кругозора, а также специальные знания, в том числе необходимые для трудовой деятельности». [3, с. 216] Д. А. Ягофаров определяет право на образование как «элемент системы прав человека, отражающее, в самом общем плане, гарантируемое обществом и его институтами, прежде всего и главным образом, государства, притязание всякого человека на его результативную социализацию». [7, с. 115]

Более широко данное трактует В.И. Шкатулла, определяющий право на образование «как основное и естественное право, имеющее своей целью удовлетворение потребностей человека в информации и непосредственно в самом образовании». [6, с. 25]

В заключение хотелось бы отметить, что на сегодня назрела необходимость выработки на основе естественнонаучных подходов более четкого и содержательного определения понятия «право на образование» и выявления наиболее существенных его признаков и характерных черт, с последующим закреплением его в законодательстве. Это необходимо как для теории конституционного и образовательного права, так и для практической правотворческой, правоприменительной деятельности субъектов конституционных и образовательных правоотношений.■

Библиографический список

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. от 30.12.2008) // Российская газета, N 7, от 21.01.2009.
2. Закон РФ "Об образовании" от 10.07.1992 № 3266-1 (ред. от 03.06.2011). – М.: ТК Велби, 2010. – 48 с.
3. Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс. М.: Юрист, 2008. – 480 с.
4. Владыкина Т. А. Право на образование как субъективное право гражданина Российской Федерации // Право и образование. – 2008. - № 3.
5. Матюшева Т. Н. Образование как правовая категория: понятие и составляющие // Право и образование. – 2009. - № 5.
6. Шкатулла В.И. Право на образование. // Государство и право. – 1997. - № 7.
7. Ягофаров Д. А. Правовое регулирование системы образования. М.: Академия, 2008. – 236 с.

Основания, формирующие возможность проявления модернизма в цирке

Вячеслав Александрович БАРИНОВ

канд. философ. наук, заслуженный работник культуры РФ

Статья рассматривает один из сложнейших форм выражения циркового искусства – модернизм. При наличии в цирке множества архаичных способов подачи циркового материала случаются варианты модерна как некоего специфического взгляда артиста на окружающий мир и в некоторых случаях это имеет успех. При этом статья предлагает рассмотреть пути достижения и построения авангардных форм и целей.

Ключевые слова: цирк, трюк, искусство, авангард, модерн, выразительность.

Философия циркового искусства стремится раскрыть, обнажить предельные принципы и основания артистического бытия в условиях циркового пространства. При этом эстетика цирка исходит из фактичности циркового произведения как новой оформленной определенности, новой цельности схваченного, объединенного и упорядоченного в нем артистического бытия. Представленный в номере фрагмент картины мира представляется как позиция артиста как его мировоззрение, что в свое время Мартин Хайдеггер пояснял – что художественно осмысленный фрагмент, представленный зрителю, представляет «не картину, изображающую мир, а мир, понятий в смысле такой картины» [1, с. 49]. На что Макс Вебер ответил, что «не интересы (материальные и идеальные), не идеи непосредственно господствуют над поведением человека, но «картины мира», которые создавались «идеями». Они, как стрелочники, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала дальше (человеческое действие)» [2, с. 53]. Причем, артист цирка в этом процессе проявляет особую активность, захватывает и волевым образом удерживает этот самый «первофеномен».

Философия цирка в самом общем виде можно рассматривать как теорию духовного освоения мира, теорию человеческого осмысления, т.е. как теоретическую

форму самопознания артиста как личности и мира его окружающего, как особое бытие, которое формирует не просто знание о мире цирка, а знание смыслов артистической деятельности, значений и ценностей. Поэтому мир философии циркового искусства полифоничен, так же как и полифоничен сам артист цирка, представляющий цирк в собственных выразительных средствах. И эта возможность осмысления цирка только и будет способствовать, наиболее выразительно художественно осваивать мир цирка. Что дает возможность обосновать необходимость нового диалога артиста с окружающим его миром цирка, в котором артист не противостоит ему, а является его частью.

Существенной чертой философии цирка становится современное видение новых течений, подходов, которые отличаются принципиально иным видением мира нестандартными представлениями о человеке-артисте и его бытии, мироощущениям, глубине переживания смысла жизненных ситуаций. Присущее данной точке зрения конструирование принципиально новых видений мира, человеческой природы, реализованной в условиях цирка, новых оценок и мировоззренческих ориентаций приводит к созданию и образованию новых форм выразительности и структур построения трюковых образований как необходимых оснований будущего развития культуры цирка. Подобные направления дают возможность развитию новых способов освоения окружающего мира как своеобразные попытки творческого разума артиста, дающие новые ориентиры жизнедеятельности в динамичном мире переоценки ценностей. Рожденный таким образом смысл деятельности артиста, становится чем-то вроде зримой предметностью этой деятельности. В результате цирк предстает перед творцом-артистом неким способом по производству оригинальных смыслов жизнедеятельности,

идеальных предметов в виде необходимого реквизита, соотносящихся с реальностью цирка самыми различными способами.

При этом рожденные смыслы порождают определенные способы коммуникации артиста со зрителем, которые устанавливаются в устойчивых связях. Поэтому и возникает проблема расширенной рациональности в восприятии зрителем, при котором происходит осознанно включающие в себя приемы «вживания», «вчувствования» в объект-номер. Таким образом, смыслы, представленных в номере и участвующих в диалоге «артист-зритель», предстают как внешний результат взаимного внутреннего обмена информацией. При этом в моменты сопереживания возникает ощущение слитности с артистом, где совершаются одно из возможных открытий как распознавание и узнавание представленного в номере факта окружающего и до боли знакомого мира. Новое отношение к миру, происходящее и формирующееся в цирке, предполагает сближение деятельности артиста и зрителя.

Какие бы ни были номера, представленные в цирке зрителю, их артистические «духовные превращения» не могут быть логически оправданы, если не учитывать конкретности и реальности происходящих событий. Таков мир искусства цирка, способного делать вымышленное подлинным, а призрачное – действительным.

«Безумность» происходящего в цирке, можно понять как игнорирование классических законов жанровой принадлежности в других видах искусства. В цирке артисты идут наперекор здравому смыслу, выстраивая свою деятельность так, когда постоянно происходит опровержение логики проявления смысла этой деятельности. Здесь трудно найти адекватность жизненной логике, так как господствует алогизм. Подтверждением этому можно найти примеры диалогической логики, в которой присутствует логика незнания зрителя и логика совершенства алогизма артиста. Это уникальное тождество несовместимости незнания, непознанного в виду присутствия логической отдаленности познаваемого, воспринимаемого и воспроизводимого убежденного в виде деятельности артиста. Где творчество артиста есть яркое бытие-событие, невероятное превращение быта в некое уникальное бытие мира цирка, которое удостоверяет все сущее в его подлинности. Утвердить безусловный характер бытия артиста в цирке – значит открыть ее бесконечность. Подлинная суть бытия артиста никогда не дана как что-либо наличное; в нем предстает артист, как возможность, как опрокинутость, погружение

в бесконечную перспективность смысла. Откровение абсолютной обнаженности артиста позволяет воспринимать его во всей безграничности выразительности не только тела, но и смысла его действий. Таким образом, представленное произведение циркового искусства, дает возможность новому осмыслению окружающего мира в реальности циркового пространства.

Цирковой дивертимент как коллаж смыслов предстает способностью познания мира на основе цирковой алогичной игры, что является собой как философия игрового очищения от всего не гармоничного, архаичного с целью познания в ожидании. При восприятии горизонтальный штрих движения артиста символизирует безграничность пространства, а круг – вечность времени. Это можно найти и подтвердить у японцев, в их философии бытия. В Европе же необъяснимое присутствует в модернистских произведениях, что побуждает к многозначности толкования. Разум связан, прежде всего, с актом понимания, рассудок – с процессом объяснения. Отсюда *mimesis* – как процесс образотворчества, где объединяются трюк, ритм и гармония. А возникающая при этом проблема симуляции основывается на различиях оригинала и художественного образа, и представляет интерес в ситуации своей убедительности и выразительности, представленного образа. При этом возникают два вида копии в виде определенных идолов – копии как таковые в виде первого их вида и второй – составляют симулякры, т.е. некие фантазмы. Наиболее полно о них рассказывает в своей книге Ж.Делез[3, с.93,160,320].

Проблема соотношения образа и архетипа всегда существовала достаточно остро. На примере цирка, можно утверждать, что артист обладает способностью художественного запечатления в своем творчестве как особом виде знания своего времени, пути познания и его предпосылок в мировосприятии. Руссо это связывал с тем, что искусства обязаны своим происхождением нашим порокам. В этой связи можно утверждать, что, например, искусство цирка «вдвигается в горизонт эстетики» по словам Хайдеггера, что значит, произведение искусства цирка становится предметом переживания и соответственно искусство цирка считается выражением жизни человека. Для Канта чувство прекрасного вызывается свободной гармонией между функцией образов и функцией понятий в связи с произведением искусства или природой. Кант в этом видел и поставил задачу «опосредовать два мира и уловить их единство». Он вводит понятие «третьей способности, средней между рассудком (по-

знавательной способностью) и разумом (практической способностью)». Названная «способностью суждения», она тесно связана с чистым чувством. «Эстетическая способность суждения – это свободная игра и гармония наших духовных способностей, фантазии и интеллекта»[4,с.318].

На почве развития и изучения понятие прекрасного, эстетикой мало уделялось внимание безобразному (чего в цирке достаточно), в отличие от биологии – болезни, этики – зла, религии – греха, права – бесправия. (Термин «эстетика безобразного» ввел Карл Розенкранц). В адрес творчества Новалис писал: «Мы мечтаем о путешествии во вселенную: но разве не заключена вселенная внутри нас? Мы не знаем глубин нашего духа, именно туда ведет таинственный путь...»[5,с.107].

Искусство по Гете – это произведение человеческого духа, поэтому оно часть природы, но как творческая активность, оно выше природы. Искусство как вид человеческой деятельности как «оно» и тем самым не принадлежит какой-либо человеческой природе – «он» или «она». Оно выше и вводит в себя эти две принадлежности. Красивому искусству Гете противопоставляет концепцию характерного искусства (что свойственно цирку), которое и есть, по его мнению, единственно подлинное, выразительное искусство, связанное с жизненным импульсом. Поэтому отблеск красоты жизненного духа в цирке зритель видит во множестве отблесков, которое включает в себя самые разнообразные и глубокие формы художественности.

В цирке можно наблюдать несколько видов проявления человеческого инстинкта: инстинкт самосохранения, материальный

и инстинкт формы. Первый связан с преодолением препятствий, условий, в которые артист волей случая попадает; второй – связан с чувственностью собственного бытия, собственного отношения к предлагаемым обстоятельствам, т.е. небезразличностью, духовностью, выраженные в эмоциях; третий – влечение к форме, влечение к игре форм (аппаратная иллюзия). При этом артист воспринимает реквизит так, как будто он есть его часть (т.е. удлиненные части тела), удовлетворяя его, придавая ему черты человеческого характера (животные, реквизит). Таким образом, игра в формы в цирке превращается в свободу игры «живыми формами», что преобразуется в красоту. Игра в цирке переходит в способ раскрытия всех сил человека, в кантовское «свободную игру способностей». Поэтому в цирке в каждом действии присутствует «ребячество», стирающего грани между

«Неразличимость» идеального и реального как неразличимость выявляется в идеальном мире через искусство»[6,с.54].

Искусство цирка есть абсолютный синтез или взаимопроникновение необходимости и свободы, которые относятся друг к другу как бессознательное и сознательное. В буквальном смысле идеи не могут быть адекватно изображены, но в душе возникает стремление, хотя и тщетное, привести представление чувств в соответствие с этими идеями. Отсюда и происходит рождение эстетических категорий из духа цирка. Но при этом срабатывает главный побудительный момент человеческой деятельности «делать все, чтобы ничего не делать» и выражается в том – чем труднее процесс в условиях цирка познания жизни, тем сильнее стремление к иллюзии упрощения. Отсюда стремление упростить свою деятельность обличается в форму игры, в форму иллюзорности, иллюзионизма, лжи, лукавства, а их восприятие как добрая воля к иллюзии, вызывающей воображение.

В цирке игра, иллюзия – это всегда искусство праздника, веселья, торжества жизни. «Всем нам потребно озорное, ребячливое и блаженное искусство..., как бы смогли мы... обойтись без искусства, без того, чтобы не валять дурака?»[7,с.349]. Именно выдумка, ложь должны набрать новую утверждающую силу, чтобы встать на услужение новой форме чувственности. В этой форме происходит новое понимание истины в цирке, когда значение приобретает то, что сотворено в отношении реквизита и то, что раскрыто в самом артисте и им же репрезентировано. Благодаря чему, в цирке всякий раз артист становится быть способным почти на реализацию всего возможного, когда каждый испытывает ежемгновенно себя, импровизирует, снова испытывает, испытывает с удовольствием, только тогда и начинается цирковое искусство. И только тогда истинные артисты цирка становятся подлинными господами циркового искусства, хозяевами циркового пространства.

В этой связи особое место занимает некая способность человеческого организма к самовыражению в виде баланса, реакции, которые решаются и осуществляются благодаря телу – как радость жизни. Отсюда – «лгать» собственному телу, т.е. вытягивать из него то, что ему не свойственно, что ему противоречит, значит, лгать самой жизни, самой человеческой природе. Именно тело есть та формальная подтвержденность присутствия человека в окружающем его мире. Благодаря природному наделению определенными качествами пластики, характеристиками, феноменальное тело артиста

цирка как «живое тело», что привлекает зрителей, для того чтобы открывать для себя новые типы и формы человеческого существования в понятиях изящности, красоты, гармонии. А все, что придает телу духовность, состоит не в сюжете, а в манере выражения и способности чувствовать. При этом представлять свою деятельность, не копируя кого-то или чего-то, а истолковывая любые жизненные факты более простым и выразительным языком-трюком, потому что самотворение искусства есть определенная истина.

Истинность творчества даже присутствует там, когда говорят о меланжакте, который в цирке считается в достаточно упрощенной форме – как смешение жанров, т.е. в одном номере присутствуют трюки разных жанров и между прочим хорошо уживаются, однако Ш.Бодлер в этом видит нечто иное: «Попытка применения противоречащих друг другу выразительных средств, привнесение элементов одного рода искусства в другой, искусственное введение поэзии, философии и чувств в живопись – словом, все это нынешнее убожество есть порок, неотделимый от эклектизма» [8, с.110]. При всем отрицательном отношении великого писателя к смешению жанров и видов искусства необходимо отметить, что допустим в цирке это не только допустимо, но и всячески приветствуется. Дело в том, насколько трюки разножанровые органичны, насколько соотносены в своих пропорциях в действиях артиста. Не зря великие произведения искусства рождаются на стыке жанров, на стыке видов искусства. Этому должно отвечать то искусство, которое рождается и как творчество и как вдохновение.

Цирк выдает зрителю не изображение окружающего мира, а его представление, представленное, уловленное в единственное мгновение. Эти подвижки предполагают рассматривать, например, кубизм как один из самых близких художественных течений цирку. Кубизм в своих изысканиях проводит эксперименты в виде разложения изображения (художники) предмета на отдельные составляющие (Пикассо). То же происходит и в цирке, но связано это не с плоскостным изображением предмета, а с реальными объемами предмета в виде реквизита, изменение которого находится в дополнение ко всему еще и в динамике своего развития. То есть, в живописи кубизм представлен как очевидный факт деятельности художника, в цирке это всегда развитие, подвергающееся постоянным изменениям, находящимся в процессе поиска. В живописи наиболее яркие личности этого течения – П.Пикассо, К.Малевич,

в цирке – эквилибристы А.Сарач, иллюзионист И.Кио.

В этой связи целесообразно обратиться внимание на патафизику, рассматривающую науку «об исключениях», куда естественно входит научно-художественный эксперимент. Одним из ярких экспериментаторов является Альфред Жарри и художественное течение как Дадаизм, в котором творчество рассматривается в союзе с ребячеством. Например, творчество театра абсурда тесно связано с такими понятиями как алогизм. Да и в самом названии «дадаизм» говорится о направленности творческой деятельности в направлении, отражающем принцип детской игры, т.е. наивность, искренность.

Искусство цирка чаще всего представлено в культе личности артиста, отсюда наивность – тело дословности, предполагает непосредственность выражения в различных цирковых формах. При этом создается пространство, в котором осуществляется развитие события по канонам наивности, куда входят: искренность, открытость и правда действия. Потому что трюк, представленный в цирке, раскрывается в своей значимости именно в своей завершенной форме. Нельзя сделать сальто-мортале наполовину. В театре же можно оборвать фразу, недосказать ее. В цирке – это просто невозможно, так как трюк имеет свое начало и свой конец, которые связаны одним целым и порой их единение продиктовано риском для жизни автора и исполнителя – артиста. Что, само по себе, требует уважения и трепетного отношения к цирковому артисту.

В своих действиях артист цирка, можно сказать, примитивен, так как не предусматривает в отдельном трюке какого-либо другого смысла, кроме его мастерского исполнения, кроме удовлетворения собственного тщеславия «я это смог сделать». Ввиду своей открытости и искренности побуждающее действие в виде трюка приобретает черты наивности. Но уже в определенной последовательности исполнения этих самых трюков, куда примешиваются пластические движения, создавая тем самым некое осмысленное действие, наличествует и проявляет себя философия поведения и высказывание артиста.

Апеллируя трюковыми формами как элементами самовыражения, артист реализовывает свое наивное видение окружающей реальности и себя в этой реальности. Включаясь в водоворот присутствия тоталитарного добра, артист раскрывает душевные порывы на то, чтобы создавать красоту не только собственного тела, но и красоту собственной души, красоту человека как такового. Подобное возможно только при

условии правды действий, основанных на искренности, что и является наивностью. Артист цирка всегда открыт, ему нечего прятать, он не создает идейных и смысловых ловушек. Артист обозрим со всех сторон, где элементарная ложь сразу видна и осуждена. Поэтому он не имеет права лгать.

Пьесы Беккета, Ионеско раскрывают истории, которые далеко напоминают реальность, но при этом очень близки к бессмыслице, где они порождают определенный смысл. Артист цирка своими действиями объективирует мысли и образы средствами цирка «характер» факта, делает их зримыми для зрителя, в результате чего номер приобретает самостоятельность; становится событием, а не отражением события. Подтверждение этому можно найти у Арто: «Если мы создаем театр, то это не значит, что мы делаем это просто для того, чтобы играть пьесы, но для того, чтобы все непонятное, затуманенное, скрытое в духовной сфере человека проявилось бы так или иначе материально, реально» [9, с. 50]. Именно такой подход к творчеству (созвучный с цирком) пропагандирует Арто – как реализация духовного мира артиста в собственном материале, как осуществление некоего творческого сознания, превращение состояния духа в жест, в трюк. Этот прием еще можно назвать как «хепенинг» (happening) – происходящее, который основан на втягивании зрителей в активное участие в представлении, разворачивающийся в манеже, в само цирковое действие. Подобные задачи хепенинга декларировались в манифесте «Анархии искусства». Но это еще не окончательная задача хепенинга, он предусматривает особый способ выявления реакции зрительного зала на новые стимулы и ситуации, разыгрываемые артистами. Сами эти обстоятельства побуждают артиста обратиться от внешнего к внутреннему, в связи с чем, Хосе Ортега-и-Гассет писал: «От изображения предметов перешли к изображению идей: художник ослеп для внешнего мира и повернул свой зрачок вовнутрь, в сторону субъективного ландшафта» [10, с. 248]. В результате получается, что при анализе художественного творчества можно говорить не о том, «что «есть» мир, а о том, что он значит для живущего в нем существа».., и «оттого существует столько же миров, сколько бодрствующих сознаний» [11, с. 324-325]. Это то, что сегодня характеризуется поведением артиста и множеством, созданных его гением моделей номеров и жанров, которые вступают между собой в конкуренцию как некая невозможность единых и окончатель-

ных решений, выражений.

Здесь предметность деятельности артиста выражена через реквизит и, таким образом, эта самая предметность становится внешним выражением духа артиста, его внутреннего мира, когда некоторые предметы чисто утилитарного предназначения, выступающие в цирке как реквизит (эквilibр со стульями) становятся носителями художественного значения, смысла. Примеры этому можно найти у таких художников как: А.Тарковский, А.Чехов, Р.Раушенберг, Ч.Чаплин, Карандаш (Румянцев М.Н.), Л.Енгибаров, Г.Ротман и Г.Маковский и другие. Поэтому среди разнообразных форм связи философии и искусства можно выделить их взаимовлияние, сближение философских проблем, раскрывающихся при помощи искусства, одновременно рождая философские категории в недрах искусства, что порождает новые формы выражения в искусстве цирка. Именно философское осмысление деятельности артиста цирка дает ему возможность рассматривать собственное творчество в более глубоком жизненном творческом смысле.

Рожденное при этом новое мировосприятие и мировоспроизводство приводит к трансформации старых и зарождению новых способов художественного постижения мира на основе основных выразительных средств цирка (трюк, алогизм, эксцентрика). «То, что мы здесь мыслим в тиши, думают решительно все! Дайте же нам только возможность заявить это громко!» [12, с. 270]. Поэтому цирк представляет собой некую форму истории искусства, где его прогресс, осуществляется по законам преодоления. Что дает возможность определить цирк в этом ракурсе как многомерный диалог, который можно оценить как универсальный, всеохватывающий способ существования определенной культуры и артиста в этой культуре.

Рожденные в этих обстоятельствах смыслы, представляют собой новое поколение образов, основанных на новых технологиях (американское колесо), принципах привлечения новых выразительных средств. Например, Ж.Бодрийар в своей книге «Открытость зла: эссе об экстремальных феноменах» оценивает современное состояние культуры как состояние симуляции, в котором все привыкли переигрывать все сценарии именно потому, что они уже были однажды разыграны – все равно реально или потенциально. То же самое и в цирке, когда происходит тем самым подмена ценностей, т.е. симуляция игры в трюк, не исполняя его, а заменяя его или скрывая его за различными аксессуарами. Тем са-

мым происходит подмена ценностей, а значит и подмена значений. На это философ обращает наше внимание и продолжает, «мы живем среди бесчисленных репродукций идеалов, фантазий, образов и мечтаний, оригиналы которых остались позади нас». Таким образом, задача философии не столько объяснить преемственность в цирке между прошлым и будущим, сколько помочь сделать будущее отличным от прошлого.

Общая тенденция культуры цирка в новую эпоху нового представления о художественной картине мира отражает те процессы, в которых вместо однозначной и необходимой последовательности событий, утверждается некое поле вероятностей, двусмысленности ситуаций, способных стимулировать каждый раз новый деятельный интерпретационный выбор. Тем самым искусство цирка выполняет особую задачу по формированию и выражению новых представлений о мире среди зрителей, способствуя логике осмеяния отживших стереотипов мышления, обеспечивая полноту восприятия и познания. Таким образом, искусство цирка воздействует уже не только на эстетическое восприятие, но и на воспитание в зрителе способности к самовыражению. В этих условиях, изображая что-то, артист стремится не изобразить событие, а лишь отослать наблюдателя к неизобразимому, указывая на непредставимое. Главное здесь – обозначить возвышенное.

В цирке по-особому осознается то, что возвышенное вызывается к жизни присутствующей постоянной опасностью и катарсис благополучного ее разрешения. Так как в цирке номер предстает зрителю в определенном художественно-уравновешенном виде, но это достигается огромным трудом в процессе репетиций, когда происходит процесс обозначенный, как неуправляемый никакими предустановленными правилами, которые основаны на алогизме. Эти правила создаются самим исполнителем и, таким образом, каждый цирковой номер становится событием. Отсюда алогизм следует понимать как парадокс предшествующего будущего. Основные критерии и черты, относящиеся и пересекающиеся с постмодернизмом, обозначены и представимы следующим образом:

1. Неопределенность последовательности действий связано с алогичным мироощущением, которое пронизывает все действия, идеи, интерпретации, что создает особый мир цирка.

2. Фрагментарность как форма дивертисмента, где фрагмент целого представления выражен цирковым номером, а целый номер состоит из фрагментов – трюков, те в свою очередь – из элементов. Отсюда осо-

бое пристрастие к монтажу везде и во всем, коллажам, метафорам, алогизму и эксцентризму.

3. Индивидуальность обусловлена отказом от авторитарности, так как цирк сугубо индивидуален в своей исполнительской части. Здесь ирония и юмор становятся формой выражения.

4. Выражение непоказанного и необнаруженного основано на смысловой, знаковой и символической сущности основного языка цирка – трюка. Явленное в цирке имеет множество значений и смыслов.

5. Ирония – феномен цирка. Все превращается в игру, диалог со зрителем, аллегории с целью нахождения истины.

6. Пародия – как способ возвеличить «ничто» или «обезличить» величавое, надутое, т.е. верх представить низом, а низ – верхом.

7. Карнавализация – способ проникновения жизни в искусство и искусства в жизнь. Вовлечение зрителя в действие цирка, когда создается общее карнавальное зрелище, такое действие, когда все дозволено и всем дозволено, когда нет границ между исполнителем и воспринимающим, когда один встает на место другого и снова назад – на свое место.

8. Перформенс. Это когда средством и материалом творчества в цирке становится тело, внешний вид, жесты, поведение, типаж, способные воздействовать на сознание зрителей.

9. Конструктивизм, при котором создается необходимая способность самовыражения, зависящая от конструкции реквизита. Это способность выражать различные творческие замыслы, иносказания. Трюк создает универсальные структуры взаимодействий с реквизитом.

10. Имманентность. Представление области чувств артиста, эмоций и их выражение в пластике.

Все эти выражения, присущие цирковому искусству отвечают требованиям современного состояния культуры цирка. Патрис Пави[13] – теоретик театра выделил два типа современного театрального авангарда: театр пространственной постановки смысла, с которым связана классическая традиция, и театр «радикальный», где главное – время, ритм, голос. Различие между ними – это антитеза наглядности и вслушивания, коммуникации и какофонии. Зритель в «радикальном» театре не просто воспринимает информацию, а участвует в творческом акте, в действии по рождению смысла. Делается акцент на выработке, на процессе создания смысла, а не на смысле как таковом.

Граница между искусством и жизнью,

артистом и зрителем, знаком-трюком и его референтом становится крайне подвижной. При игре с риск, трюк ставится и приводит к ситуации неограниченного числа значений, ибо многозначность закладывается в трюк, как необходимое условие восприятия, предполагающее максимальную свободу зрителя в восприятии, его внутренний творческий порыв. Таким образом, создается энергетический цирк, где энергия артиста переходит к зрителю, а, зараженный энергией, зритель стремится поделиться ей с артистом, в результате создается определенная энергетическая аура положительных эмоций, которые порой возникают из

некоторых напряженно-эмоциональных форм поведения артиста.

Энергетический цирк – это цирк, где явно не чувствуется доминирующая роль драматурга, равно как и его предсказуемость. Это цирк, который имеет успех представления-дивертисмента-перформенса, благодаря рождению «здесь и сейчас» новых открытий событийного, временного и уникального фактора искусства цирка. Ведь в цирке самое главное – артист-перформен, который подает себя, как неуловимое уклоняющееся существо, расположенное пройти со зрителем лишь часть жизненного пути, представленного в номере.■

Библиографический список

1. Хайдеггер М. *Время картины мира*//*Время и бытие*. М.: Республика. – 1993. – с.447.
2. Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс. – 1990. – с.880.
3. Делез Ж. *Различие и повторения*. Санкт-Петербург.: Петрополис. – 1998 – с.384.
4. Кант И. *Критика способности суждений*. Собр. соч. в 8т. М.:Чоро. – 1994. – т.5. – с.560.
5. Новалис. *Фрагменты* // *Литературные манифесты западноевропейских романтиков*. М.:Аркаим.-1980. –с.415.
6. Шеллинг Ф.В. *Философия искусства*. М.: Искусство. – 1966. – с.430.
7. Ницше Ф. *Сочинения в двух томах*. М.: Мысль. – 1990. – т.1. – с.708.
8. Бодлер Ш. *Об искусстве*. М.: Искусство. – 1986. – с.188.
9. Арто А. *Театр и его двойник*. М.: Мартис. – 1993. – с.192.
10. Ортега-и-Гассет. *Дегуманизация искусства*//*Ортега-и-Гассет Х.Эстетика. Философия искусства*.М.:Радуга.-1991. – с.528.
11. Шпенглер О. *Закат Европы*. М.: Мысль. – 1993. – с.468.
12. Стринберг А. *Совесть*. Полн. собр. соч. в 15 т. М.: Наука. – 1998. – т.4. – с.479.
13. Пави Патрис. *Словарь театра*. М.: Прогресс. – 1991. – с.504.

Роль религии в формировании жизненной стратегии индивида

Алексей Михайлович МЕДВЕДЕВ

канд.экон.наук, Северо-Кавказский государственный технический университет

В современной России за последнее десятилетие механизм социализации молодежи претерпел значительные изменения. Это было обусловлено целым рядом факторов, одним из которых явилась коренная перестройка всего сообщества, населявшего территорию бывшего СССР, изменение общественной идеологии и самой структуры общества, что проявилось в отделении ряда государств и образовании новой страны. Соответственно, в прошлое ушла целая «идеологическая система», выполнявшая весьма важную функцию общественной ориентации для прошлых поколений. Новыми признаками, наиболее полно характеризующими современное состояние российского общества, стали изменчивость и различия, отсутствие четко оформленной социальной политики.

Процесс социального расслоения и деления общества в зависимости от материальной обеспеченности привел к тому, что на грани бедности оказались те категории населения, кто придерживался типичных жизненных целей и ценностей, господствовавших ранее в обществе. Среди них оказалось множество специалистов с высшим образованием, которые уделяли именно образованию большое внимание в процессе своего жизненного становления. В результате типичные жизненные стратегии оказались стратегиями, не способными привести к достижению социального успеха, а новые типы легальных массовых жизненных стратегий, адекватных новым социально-экономическим условиям, еще не сформировались.

Наряду с ухудшением материального положения большей части населения, у молодого поколения складывались «западно-ориентированные» стандарты жизни. Это было вызвано отчасти отсутствием достойной государственной идеологии, которую можно было бы использовать для формирования своих жизненных целей и с другой стороны – активной пропагандой «западного» стиля жизни, главным образом через средства

массовой информации. В связи с этим все большее число молодых людей оказалось не готово переносить повышенные нагрузки, трудности и лишения ради достижения благородных целей в жизни. В сочетании с отсутствием общедоступных легальных способов заработать средства, достаточные для удовлетворения возросших материальных потребностей, завышенные стандарты жизни для российского общества могут привести к разного рода девиациям и крушениям жизненных планов.

Таким образом, отказ от типичных жизненных целей, которых придерживалось старшее поколение и формирование новых «материальных» ценностей, привело к духовному кризису среди молодежи. Поэтому в современных условиях особую важность приобретает формирование жизненной стратегии, затрагивающей моральные и нравственные качества личности, а не только экономическую составляющую. Роль института религии в данном случае приобретает особую важность, так как она несет в себе тот моральный и нравственный потенциал, который способен при определенных условиях оказать решающее воздействие на жизненные цели человека.

Прежде чем рассматривать роль, которую оказывает религия на формирование жизненной стратегии, нам следует рассмотреть, что нужно понимать под данной категорией. К.А. Абульханова-Славская определяет стратегию жизни человека как некоторый способ организации человеком собственной жизни, разрешения жизненных противоречий, способность к приведению жизненных условий в соответствие с собственными ценностями и индивидуальным своеобразием [1]. Направляя себя в будущее, намечая цели, человек выбирает определенный путь в достижении намеченных целей, осуществления и организации собственной жизни.

Жизненная стратегия личности захватывает сферу жизненного пути личности, которая

связана с ее будущим, выдвижением целей и способов их достижения, с учетом отношения к прошлым событиям собственной истории.

Жизненная стратегия важна, прежде всего, в своем функциональном аспекте. Она регулирует целостность жизнедеятельности конкретного человека, а так же определяет его жизненный путь. Содержательное своеобразие жизненной стратегии проявляется в том, что, выступая интегральной характеристикой личности, она в первую очередь представляет ориентацию человека на определенные цели, в основе которых лежат «базовые» ценности, характеризующиеся системообразующим качеством в структуре персональных ценностей. Таким образом, ядром жизненных стратегий выступают ценности и ценностные ориентации, направляющие человека на определенные цели.

В свою очередь ценности и ценностные ориентации задают направление действиям и помыслам людей, служат эталонами для оценки и сравнения желаемого и действительного. Именно личностные ценности в конечном итоге выступают для индивида основаниями (категориями) построения «своего», индивидуального образа мира, организации своей жизни, определяют главные и относительно постоянные отношения человека к другим людям и самому себе [2; 3].

В этом смысле жизненная стратегия представляет собой некоторую систему ценностей («ценностный синдром», основа которого – базовые ценности), уникальную для каждого человека, которая помогает ему ориентироваться в социальной среде, организовывать взаимодействие с социальными объектами. Индивидуальная тенденция в выборе направления собственной жизни выступает одним из регуляторов социального поведения человека, организующим и направляющим целостность его жизнедеятельности.

Следовательно, жизненная стратегия является одним из регуляторов поведения человека в социальной среде. Функциональное значение категории «жизненная стратегия личности» состоит в организации целостности жизнедеятельности человека, определении его жизненного пути, регуляции взаимодействия личности с социумом.

Рассмотрим теперь, какое влияние может оказывать религия на формирование жизненной стратегии. Церковь, как общественно-историческое образование – один из важнейших социальных институтов. Одним из основных путей нравственного оздоровления общества со стороны церкви как таковой, является внедрение в общественное сознание определенных идей, ценностей, идеалов, базирующихся на концепции трансцендент-

ного.

Жизненная стратегия отдельно взятого человека под воздействием религиозных воззрений формируется на морально-нравственных принципах, принятых в данном вероисповедании. Это выражается, прежде всего, в том, что религия помогает сформировать определенное мировоззрение, т.е. совокупность взглядов, оценок, норм и установок, определяющих отношение человека к миру и выступающих в качестве ориентиров и регуляторов его поведения. Уже здесь закладывается духовная основа для всей жизни человека, и особенно для определения им смысла своей жизни, что в свою очередь поможет ему создавать свою жизненную стратегию.

На основе мировоззрения формируются соответствующие ценности, реализация которых осуществляется индивидом в процессе его деятельности и отношений. Каждая религия вырабатывает свою ценностную систему, в соответствии с особенностями вероучения. В этой системе образуется своеобразная шкала ценностей. Так, например, в христианстве особым ценностным элементом наделяется все то, что имеет отношение к общению Бога и человека. Необходимо отметить роль религиозных норм, которые являются разновидностью социальных норм. Религиозные нормы – это система требований и правил, направленных на реализацию религиозных ценностей. Действуя в совокупности, религиозные ценности и нормы оказывают не только существенное влияние на формирование жизненной стратегии личности, приводя ее в соответствие с определенной системой взглядов, но и способствуют выполнению нравственного долга и обязательств перед обществом.

Гуманистический потенциал религии, несомненно, реализуется через формирование духовной жизни человека, через приоритет духовности над социальными, эстетическими и иными ценностными ориентациями и регуляторами. Приоритет духовности непосредственно связан с развитием субъективности человеческой личности, развитием, прежде всего, внутреннего мира личности, приоритета веры, надежды, любви.

Мы видим, что таким образом происходит повышение духовности человека через освоение нравственных принципов, которые оказывают существенное влияние на его жизнь.

Необходимо отметить, что религия способствует упрочению и закреплению определенных общественных порядков, традиций и законов жизни не только в жизни общества, но и отдельного человека. Так как религия более консервативна, чем любой другой общественный институт, она в большинстве

случаев стремится к сохранению устоев, к стабильности и покою. Институт религии выполняет так же важную функцию интеграции индивида в общество. Один из основоположников функционализма Э. Дюркгейм сравнивал религию в этом качестве с тем, как действует клей: она помогает людям осознавать себя как моральную общность, скрепленную общими ценностями и общими целями. Человеку предоставляется возможность самоопределиваться в общественной системе и тем самым объединиться с родственными по обычаям, взглядам, ценностям, верованиям людьми.

С помощью религии происходит легитимизация, т.е. узаконивание существования самого ценностно-нормативного порядка, что необходимо для стабильного существования общественной системы.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что в современных условиях в нашем обществе возникает особая потребность в формировании у молодого поколения жизненной стратегии, в основу которой легли бы морально-нравственные

принципы. Для достижения этой цели можно использовать потенциал религии, которая несет в себе идеи справедливости, добра и мира, через освоение которых закладывается духовная основа для всей жизни человека, что поможет ему создавать свою жизненную стратегию.

В качестве конкретных мер думается целесообразным использовать социальную рекламу, с помощью которой можно распространять соответствующие ценности и взгляды. Специальные уроки в школах по религиозному просвещению могут помочь детям в сознательном выборе нравственности и добра, что будет ограждать их от влияния ряда негативных факторов, имеющих в обществе.

Необходимо отметить так же, что воздействие религии на личность противоречиво: с одной стороны, она призывает человека к соблюдению высоких нравственных норм, приобщает к культуре, а с другой - проповедует покорность и смирение, отказ от активных действий. Но здесь дело, видимо, не столько в религиозных положениях, сколько в том, как они поняты людьми. ■

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. 13. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Яницкий М.С. 9. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000.
3. Белинская Е.П., 1. Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2001.

Изучение готовности выпускников начальной школы – занковцев к обучению в основной школе

Ольга Александровна КОРОТКОВА

Челябинский государственный педагогический университет

Время перехода учащихся из начальной школы на вторую ступень общего образования является одним из сложных периодов их личностного развития. При этом существенно меняются требования учебной деятельности и социальная ситуация развития: на смену одному учителю приходит несколько учителей – предметников, расширяется круг общения со сверстниками, возникает необходимость усвоения новых учебных предметов. Данный период также характеризуется тем, что усложняется учебный материал и формы организации учебно-воспитательной работы, методы и приемы обучения, вводится кабинетная система обучения; при этом существенное внимание обращается на отслеживание результатов обучения. А результаты обучения во многом зависят от готовности выпускников начальной школы к обучению в основной школе.

Готовность выпускников начальной школы к обучению в основной школе в различных аспектах отражена в работах Е.М. Борисовой, Н.В. Лебедевой, А.Г. Елисеева, Л.И. Колосовой, В.В. Серикова, Д.И. Фельдштейн и др. [1, с. 28]. Более исследована готовность растущего человека к трудовой деятельности и выбору профессии в контексте личностного и профессионального самоопределения. В некоторых исследованиях предпринята попытка рассмотреть готовность к деятельности комплексно, как сложное личностно-функционально-операциональное образование (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, В.В. Сериков, Э.А. Фарапонова, С.В. Ушнев и др.) [2, с.24; 4, с 128].

Т.И. Юферева выделила следующие компоненты готовности выпускников начальной школы к обучению в основной школе: 1) сформированность основных компонентов учебной деятельности, успешное усвоение программного материала; 2) новообразования младшего школьного возраста – произвольность, рефлексия, мышление в понятия-

ях; 3) качественно иной, более «взрослый» тип взаимоотношений с учителями и одноклассниками.

Проблема готовности выпускников начальной школы к обучению в основной школе была и остаётся не решенной. Более того с течением времени появляются новые вопросы, например, внедрение вариативности образования порождает вопрос изучения готовности в различных дидактических системах.

Для изучения готовности выпускников начальной школы – занковцев было проведено анкетирование 10 учителей 4-х классов г.Челябинска, работающих по системе Л.В. Занкова (МОУ гимназия №80, МОУ лицей №97, МОУ лицей № 120, МОУ СОШ №25, МОУ СОШ №112). Среди опрошенных 9 педагогов – имеют высшую квалификационную категорию, 1 – первую; а также: имеют звание «Отличник просвещения РФ» – 2, отмечены грамотой Министерства образования РФ – 1, Почетной грамотой Челябинской городской Думы – 1, грамотой Главного Управления образования Челябинской области – 1.

Учителям была представлена анкета по 4 направлениям (комплекс основных качеств выпускника начальной школы):

Готовность ученика по математике к обучению в школе (общий уровень готовности учеников к обучению в основной школе и готовность учеников к изучению первой темы по математике в 5 классе).

Организация деятельности учеников на уроке (уровень понимания учениками математического материала и уровень организации учеников на уроке математики).

Коммуникативные качества учеников (уровень общения учеников со сверстниками и с учителями).

Уровень тревожности учеников (уровень тревожности и уверенности учеников на уроке математики).

Готовность к обучению в средней шко-

ле, таким образом, предполагает, что ребенок уже овладел (или находится в процессе овладения) умениями, знаниями, мотивацией и другими необходимыми для освоения программы основной школы личностными характеристиками.

Для выявления уровня развития перечисленных основных качеств готовности выпускников к обучению в основной школе нами была разработана анкета для учителей школ г. Челябинска, работающих по системе Л.В. Занкова в выпускных классах начальной школы, в которой они оценивали по этим показателям учеников своего класса. Каждый показатель представлен двумя вопросами, оцениваемые в трехбалльной шкале (от 1 до 3 баллов), соответственно уровню развития учеников класса. Таким образом, за каждый показатель максимальный балл – 6, минимальный – 2. В итоге за 4 показателя минимальный – 8 баллов, максимальный – 24 балла.

В итоге, при помощи 10 учителей была дана характеристика готовности к обучению

в основной школе примерно 250 выпускникам начальной школы.

Результаты получились следующие:

Направление	Средний балл
Готовность ученика по математике к обучению в школе	5,4327
Организация деятельности учеников на уроке	5,4857
Коммуникативные качества учеников	5,7265
Уровень тревожности учеников	5,3265

Результаты проведенного анкетирования свидетельствуют о том, что готовность выпускников начальной школы, обучающихся по системе Л.В.Занкова, к переходу на более высокую ступень общего образования практически соответствуют нормативной модели готовности. Наиболее сформированным компонентом готовности современных школьников оказались их коммуникативные качества, опираясь на них, и следует строить профилактическую работу в выпускных классах начальной школы по подготовке детей к обучению в основной школе, чтобы процесс адаптации в 5-х классах проходил как можно менее болезненно для учеников.■

Библиографический список

1. Лебедева Н.В. Психологическая готовность младших школьников ко второй ступени общего образования. - Псков, 2001. - 248с.
2. Обеспечиваем преемственность//Начальная школа. - №11, 2001г.
3. Пашкова М.М. Основные аспекты преемственности. - Ростов -на- Дону, 2000. - 194с.
4. Сергеева В.П. Преемственность: теория и действительность. - С-Пб. - 2004. - 115с.
5. Юферова Т.П. Преемственность как процесс воспитания и обучения ребенка. - М., 2003. - 156с.

Сущность русского самодержавия

Ксения Сергеевна ГАЙДУКОВА, канд. техн. наук **Екатерина Васильевна ЛАВРИС**

Московский государственный университет дизайна и технологии

На протяжении нескольких лет ведутся научные исследования в области проектирования и изготовления швейных изделий с модифицированными ткаными структурами [1]. Одно из направлений данных исследований связано с комбинацией переплетений с разным числом нитей для производства малошовных изделий.

Известен метод изготовления цельнотканых изделий [2], сущность которого заключается в том, что тканую бесшовную оболочку получают путем комбинации двуаксиального переплетения, используемого на участках с нулевой кривизной поверхности, и триаксиального переплетения, образующего участки оболочки с кривизной отличной от нуля, при этом переплетение состоит из трех систем основных нитей и дополнительных формообразующих нитей. Этот метод позволяет изготавливать равноплотные малошовные и бесшовные оболочки сложных пространственных форм. Основным параметром, определяющим зональное распределение участков с дву- и триаксиальным переплетениями, – это пространственная форма проектируемого объекта.

Однако на данном этапе развития плетельного и ткацкого оборудования реализация указанного метода изготовления цельнотканых изделий в механизированном варианте не возможна. В связи с этим мы предлагаем рассматривать процесс производства оболочек с комбинацией переплетений как изготовление двуаксиальных оболочек с последующим введением третьей системы нитей. В этом случае операции ручного труда будут сведены к минимуму и потребуются только на этапе введения третьей системы нитей. Внешний вид двуаксиальной тканой структуры и полученной из нее триаксиальной представлен на рисунке 1.

Введением третьей системы нитей в двуаксиальную структуру можно формировать два основных вида триаксиальных переплетений:

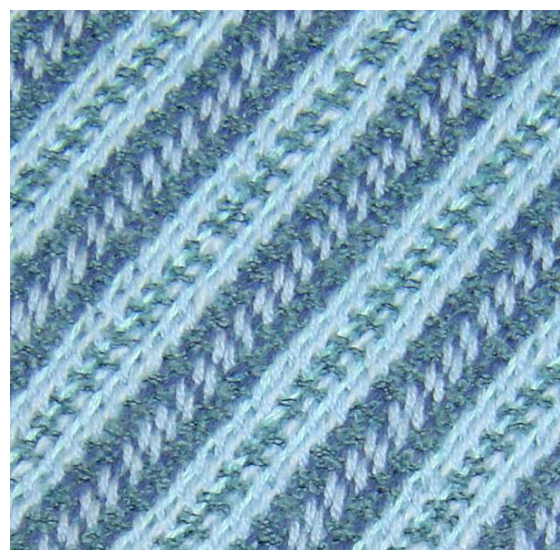
Междукрестное переплетение. Третья нить располагается попеременно над и под

перекрестьем нитей двуаксиального переплетения (рис.2, а).

Межзастильное переплетение. Третья нить располагается над всеми нитями основы и под всеми нитями утка (или наоборот над нитями утка и под нитями основы), то есть огибает нити двуаксиального переплетения каждую в отдельности (рис.2, б).

а

б

Рисунок 1. Внешний вид двуаксиальной (а) и триаксиальной (б) ткани.

а

б

Рисунок 2. Графики переплетений триаксиального междукрестного переплетения (а), триаксиального межзастильного переплетения (б).

Различные преобразования двух способов введения нитей третьей системы в структуру двуаксиальной тканой оболочки такие, как чередование их в одной ткани, изменение длины перекрытий и т.д., позволяют разнообразить внешний вид тканей, а также оказывают существенное влияние на физико-механические свойства получаемых материалов. Способ введения нитей третьей системы определяется в зависимости от структурных показателей и вида переплетения исходной двуаксиальной ткани и желаемого внешнего вида участков оболочки с триаксиальным переплетением.

Как известно, формообразование в ткани с целью сведения к минимизации числа швов и выточек можно выполнять за счет изменения сетевых углов. В швейном производстве фиксацию измененных сетевых углов принято выполнять либо швами, либо клеевыми материалами. Однако, как показали проведенные исследования, введение третьей системы нитей в двуаксиальную структуру позволяет не только зафиксировать объемную форму изделия, полученную путем изменения сетевых углов, но и придать изделию большую износоустойчивость. При формообразовании обо-

лочек изменение сетевых углов, доходя до «предельно допустимого», может привести к изменению плотности расположения нитей. В этом случае именно третья нить наилучшим образом способна удерживать и уравновесить изменение плотности расположения нитей двух других систем.

Для определения возможностей формообразования за счет третьей системы нитей необходимо определить максимально допустимое сжатие двуаксиального переплетения при изменении плотности расположения нитей. Поставленная задача решается за счет введения в двуаксиальное переплетение экспериментального образца несколько нитей третьей системы, при помощи которых выполняют стягивание структуры материала, не допуская нахождения перекрытий нитей друг на друга, затем определяют коэффициент допустимого сжатия ткани как отношение длины образца ткани до стягивания к длине после введения нитей третьей системы. Полученный коэффициент допустимого сжатия будет определяющим при построении модельной конструкции изделия.

Последовательность проектирования модельной конструкции швейного изделия с минимальным числом швов отлична от стандартных методик, используемых в швейной промышленности. При проектировании на первом этапе следует определить расположение нитей основы и утка для каждой отдельной детали, учитывая возможное расположение третьей системы нитей. Так, если необходимо получить прилегающий силуэт в области талии, т.е. уменьшить поперечный размер оболочки на этом участке, то третья система нитей должна быть введена параллельно линии талии, это же направление будет соответствовать действительной косой ткани, что определяет положение нитей основы и утка.

На следующем этапе проектирования оболочек с минимальным числом швов необходимо максимально исключить конструктивные элементы путем совмещения контуров основных деталей, раз моделирования выточек и т.п. Эти операции выполняют так же с учетом возможностей введения третьей системы нитей, коэффициента допустимого сжатия и расположения нитей основы и утка. На полученной конструкции определяют зоны расположения триаксиального переплетения, которые должны покрывать все участки раз моделированных конструктивных элементов.

Все ткани отличаются по свойствам и форме элементарных ячеек, поэтому практически невозможно просчитать поведение конкретного материала при введении третьей системы нитей. По этой причине спроектированная модельная конструкция всегда будет

нуждаться в проверке и уточнении ее контуров в макете. Однако пластичность края по косой и, в дополнение к этому, появившаяся возможность изменения размеров изделия за счет варьирования натяжения третьей системы нитей позволяют исключить этап макетирования. Рассмотрим подробнее процесс изготовления швейных изделий с комбинацией дву- и триаксиальных переплетений.

Основным материалом является двуаксиальная ткань, которая должна обладать разреженной структурой, что гарантирует большую вариабельность сетевых углов и позволяет беспрепятственно вводить третью систему нитей. Из основного материала выкраивают детали изделия, оставляя припуски на швы и уработку. Если ткань обладает высокой осыпаемостью, то припуски на швы необходимо укрепить клеевой лентой.

На деталях края делают намелку мест триаксиального переплетения. Затем выполняют введение третьей системы нитей и формообразование оболочки путем стягивания нитей этой системы. Формообразование целесообразнее выполнять на манекене внеш-

ней формы изделия.

Следующий этап изготовления малошовного изделия заключается в корректировке его формы, для этого проверяют форму зон расположения нитей третьей системы, уточняют конфигурации имеющихся швов и срезов.

Уточненную готовую оболочку изделия, как правило, «сажают» на подкладку, для окончательной фиксации ее формы. Конструкция подкладки изделия разрабатывается на основе исходной модельной конструкции оболочки без исключения конструктивных элементов.

Готовый вид платья, изготовленного по изложенной технологии, представлен на рисунке 3.

Изложенные аспекты проектирования и изготовления малошовных изделий с комбинацией дву- и триаксиальных переплетений являются общими для всего ассортимента швейных изделий и могут быть применены при изготовлении предметов одежды по индивидуальному заказу или специального назначения.■

Рисунок 3. Внешний вид платья, выполненного комбинацией дву- (а) и триаксиального (б) переплетений.

Библиографический список

1. Лаврис Е. В. Проектирование цельнотканых триаксиальных оболочек: монография. – МГУДТ. – 2008. – 105 с.
2. Андреева Е.Г., Базаев Е.М., Лаврис Е.В. Цельнотканые объемные оболочки с комбинацией двухниточных и трехниточных переплетений // Журнал Швейная промышленность – 2006 – №6 – С.41-42.

ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИИ (учебного пособия, брошюры, книги)

Если Вы собираетесь выпустить монографию, издать учебное пособие, то наше Издательство готово оказать полный спектр услуг в данном направлении

Услуги по публикации научно-методической литературы:

- орфографическая, стилистическая корректировка текста («вычитка» текста);
- разработка и согласование с автором макета обложки;
- регистрация номера ISBN, присвоение кодов УДК, ББК;
- печать монографии на высококачественном полиграфическом оборудовании (цифровая печать);
- рассылка обязательных экземпляров монографии;
- доставка тиража автору и/или рассылка по согласованному списку.

Аналогичные услуги оказываются по изданию учебных пособий, брошюр, книг.

Все работы (без учета времени доставки тиража) осуществляются в течение 30 календарных дней.

Уважаемые читатели!

При желании связаться с автором публикации, просим Вас обращаться в редакцию журнала.

Электронная версия журнала доступна на сайте www.nauchoboz.ru.

НАУЧНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

№ 6 (июнь), 2011 год

© Издательство «Инфинити»
Подписано в печать 01.07.2011 г.
Объем 2,15 п.л. Формат 60х90 1/8.
Цена договорная.

Свидетельство о регистрации ПИ ФС №77-42040
Адрес в сети Интернет: www.nauchoboz.ru
Email: post@nauchoboz.ru

